

ВАРЛОРД ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА ТОМ III

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Алекс Делаacruz
Варлорд. Путеводная
звезда. Том III
Серия «Варлорд», книга 10

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67794276
Алекс Делаacruz. Варлорд Драго. Том III:

Аннотация

Десятая книга саги о варлорде Артуре Волкове.

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами.

Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	63
Глава 4	99
Глава 5	111
Глава 6	122
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Алекс Делакруз

Варлорд Драго. Том III

Глава 1

Трап с мягким шипением медленно опустился, открывая проход в темную и глухую ночь. Сразу стало слышно, как за бортом завывает метель. Несколько порывов холодного ветра даже попробовали выбить тепло из комфортного салона, при этом слегка покачивая машину.

Погода словно по заказу – кажется, еще чуть-чуть, и понесется по небу гон Дикой Охоты. И едва мы с Самантой подошли к проему выхода, как в лицо дохнуло стывшим ветром и колким снегом, отчего я слегка поморщился.

Весьма, надо сказать, подходящая ночь для ритуала.

Конвертоплан приземлился во дворе усадьбы Юсуповых-Штейнберг, прямо перед широким крыльцом. Но метель настолько плотная, что стены здания едва видны за снежной пеленой. Правда, высокие двери парадного входа распахнуты, открывая путь в освещенный холл усадьбы. Единственное яркое пятно в ночи – словно маяк, с заметными на светлом фоне силуэтами фигур воинов почетного караула. Даже не маяк, а как будто портал, ведущий из царства неприветливой ночи в гостеприимное тепло света.

Задержавшись перед тем, как шагнуть вперед, в ночь, я скользнул взглядом по угадывающимся за снежной пеленой очертаниям фасада здания. И на пару мгновений рухнул в омут воспоминаний.

Совсем недавно – меньше чем полгода назад, когда на улице еще стоял август месяц, я прибыл сюда впервые. Гость из другого мира, совершенно не понимающий, что вокруг происходит и как на все это реагировать. Тогда в усадьбе меня встретила откровенно недружественно настроенная княгиня Анна Николаевна, а чуть позже ее показательное недружелюбие разбавила показательным же презрением юная княжна Анастасия.

Как много всего с того времени изменилось.

Анна Николаевна – после падения в бездну, после лишения титула и тюремного заключения, уже обосновалась в Высоком Граде, многократно возвысившись и став главой национального клана Разумовских.

Анастасия сейчас находится там же, и она тоже уже княгиня – и глава национального клана Юсуповых. И, кроме всего прочего, Анастасия уже примеряет на себя корону неофициального титула королевы Юга.

Кто бы мог подумать, что они обе, будучи единственными совершеннолетними членами слабого и марионеточного, искусственно созданного имперского княжеского рода, вдруг станут главами противоборствующих ранее, а теперь объединившихся в союз сильнейших в Вольнице Юга Рос-

сии национальных кланов. Кто бы мог подумать, что обе они за столь короткое время не только приобретут невероятную силу и влияние в Вольнице, но даже более того – в союзе двух кланов возглавят одну из основоопределяющих политических сил Восточной Европы.

Но сколь невероятен оказался неожиданный взлет Анны Николаевны и Анастасии, это все же меркнет по сравнению с тем, что случилось со мной. Потому что я, вскоре после того как первый раз поднялся по этому самому крыльцу усадьбы, помню, шутил, что для счастья мне нужны всего лишь сорок три миллиона долларов, английская принцесса и щенок питбультерьера.

Результат оказался совершенно удивительный: лишь со щенком пока не получилось, с остальным же план перевыполнен. Английская принцесса готова стать моей невестой и сейчас даже стоит рядом. Приобняв со спины, Саманта положила подбородок мне на плечо и, поеживаясь, смотрит на разгулявшуюся на улице метель.

На счетах, самых разных – и белых, и черных, и серых, мне доступно гораздо больше, чем миллион долларов. У меня в месяц доходов немногим меньше только на моделях оружия и экипировки виртуальной Арены выходит, не говоря уже о доходах с княжеских активов. Да и со щенком тоже, как посмотреть – вместо щенка питбультерьера я нашел ко-та Мусю. Который после того, как в его теле пожил тысяче-летний демон, примерным поведением совершенно не отли-

чается и может удивить любого питбультерьера. Правда, кот Муся сейчас – проблема Зоряны, с которой он остался в моей усадьбе Делашапель.

Но самое главное из неожиданного в произошедшем со мной случилось совсем недавно. Когда я убил цесаревича Алексея, наследника трона Российской Империи, и когда в результате этого моя очередь к этому самому трону подвинулась на одно место ближе. А может, и не на одно – не очень уверен, стоял ли впереди меня лидер партии войны великий князь Константин Николаевич, которого Николаев распял в жертвоприношении на Месте Силы в Лиинахамари. Распял в ходе темного ритуала, когда вытаскивал принцессу Елизавету и Ольгу из темного мира отражения.

Ладно, пора бы и нам уже выходить.

«Пойдем?» – чуть сжал я руку Саманты.

«Брр», – лишь поежилась она, кутаясь в мантию.

Бал дебютанток мы покинули совсем недавно. Из Петербурга до Елисаветграда добрались на предоставленном Николаевым военно-транспортном суборбитальном челноке меньше чем за час, и ни времени, ни возможности переодеться у нас не было. Так что принцесса все еще была в своем длинном, в пол, бальном платье.

Снова поежившись, Саманта, все еще обнимающая меня сзади, расцепила руки и шагнула вперед. И приподняла локоть, приглашая меня взять ее под руку. Позади уже встали Ира и Ада. Индианки двигались за нами слово тени – выпол-

няя мое же задание по охране Саманты. Они и на балу, когда праздник переместился из дворца в парк, от нее ни на шаг не отходили.

Едва мы спустились на первые ступени трапа, как Саманта сразу прижалась ко мне, прячась от стылых порывов ветра.

– Мой Бог, как холодно, – негромко прокомментировала Саманта.

Коротко взмахнув рукой, я повесил над головой пламенеющий зонтик, который оградил нас от стыло завывающего ветра.

– Спасибо, – поблагодарила меня Саманта и тут же крепко поцеловала.

Совершенно неожиданное и непривычное выражение эмоций от, несмотря на взрывной темперамент, на людях в большинстве случаев сдержанной и даже холодной принцессы. Началось это еще вечером на балу – после встречи, первого танца и объяснений Саманта меня вообще не отпускала от себя. Постоянно держала за руку, часто обнимала; не упускала случая легко поцеловать, шепнуть что-нибудь на ухо или невзначай, даже переступая грань приличий, тесно прижаться. Совершенно при этом не обращая внимания на удивленные, часто ошарашенные и даже осуждающие такое поведение взгляды других гостей. Но ей, как я видел и чувствовал, на эти осуждающие взгляды было, как бы это сказать... глубоко плевать, если помягче.

Саманта, не желая меня отпускать ни на минуту, послед-

ние часы еще и посматривала на меня периодически так, как будто знает что-то, недоступное мне. Впрочем, на оба моих осторожных вопроса, о причинах изменения в ее поведении, принцесса не ответила.

Вернее, на оба моих вопроса она ответила; объяснения были, а ответа я не получил – все ограничилось обтекаемыми общими фразами. В третий раз спрашивать ее не стал. Если прямо не ответила первый и второй раз, в третий наверняка не ответит также.

Спустившись по трапу, мы вчетвером, тесной группой, прошли через воющую и бросающую в нас пригоршни колкого снега метель. И я, как проводник, так и держал на вытянутой руке огненный зонтик, словно рассеивающий тьму фонарь. Убрал его только тогда, когда, быстро пройдя по явно недавно расчищенной от снега брусчатке, мы поднялись на крыльцо княжеской усадьбы и оказались под крышей портика.

Здесь нас уже ждали.

Слева по проходу, в почетном карауле, выстроилось десять бойцов в черно-красных бронекостюмах. Служба безопасности имперского княжеского рода Юсуповых-Штейнберг. Справа, напротив – десять бойцов в темно-серых бронекостюмах с черными вставками. Отряд варлорда князя Артура Волкова.

У бойцов княжеской гвардии на левой стороне груди горела красной подсветкой эмблема княжеского рода, Огонь-

под-Горой, у бойцов отряда варлорда желтым сиял глаз волчьей головы.

Здесь же, на крыльце, нас уже встречал отставной штабс-капитан Измайлов, которого теперь именовали не иначе как Сергей Юрьевич. Измайлов сейчас совмещал должности – руководил службой безопасности княжеского рода и командовал моим отрядом варлорда. Кроме того, Измайлов моей волей с недавнего времени являлся еще и военным вождем племени кровавых бурбонов, которые сейчас расположились, основав поселение... можно сказать, прямо под усадьбой, в мертвом мире Инферно – если принимать классификацию Инферно как нижнего плана мира этого, истинного.

Я пожал руку штабс-капитану и кивнул, приветствуя. Измайлов шагнул в сторону и вместе с нами, чуть позади, прошел в высокие двери усадьбы.

Здесь, в холле, нас также уже ждали.

Первой, не выдержав волнение момента, вперед шагнула Барбара Завадская – бывшая горничная из отеля Высокого Града, которая из-за мимолетного знакомства со мной, в результате интриг спецслужб, оказалась в роли жертвы на алтаре. Откуда у меня получилось ее вытащить. И с алтаря, и с социального дна Высокого Града, где она раньше обитала.

Барбара теперь жила здесь, в Елисаветграде, и занимала должность заместителя управляющего усадьбой. Строгий черно-красный мундир административного сотрудника на

службе княжеского рода Юсуповых-Штейнберг ей, кстати, удивительно шел.

Управляющим усадьбой же с недавнего времени являлся Герхард Иосифович Кальтенбруннер – именно он сейчас шагнул вперед и приветствовал меня витиеватым слогом официальной речи. Он, кстати, обладал таким же неприятным, как и у его отца, надменным взглядом – которым Кальтенбруннер только что окинул крайне смущенную и взволнованную Барбару, по его мнению грубо нарушившую протокол встречи.

Новый управляющий вообще был удивительно на отца похож. Такой же высокий, сухопарый и настолько чопорный, что аж смотреть неприятно. Впрочем, внешность обманчива – и старший Кальтенбруннер, так меня раздражавший, во время атаки демонов выполнил свой долг, как его понимал, и ценой своей жизни спас Анастасию. И, как дань уважения ему, единственное, что я теперь могу, – попробовать не относиться столь же предвзято к его сыну.

Чтобы не обижать явно готовившихся к встрече Кальтенбруннера и Барбару, я не стал их прерывать и выслушал полагающуюся официальную часть, поблагодарив обоих. И только после обратил внимание на четвертого встречающего – маячащего в тени Моисея Яковлевича, который немного суетливо (явно смущаясь в присутствии Саманты) проводил нас в мой рабочий кабинет. В тот самый бывший кабинет Петра Алексеевича Штейнберга, откуда прямиком вел спуск

вниз, в алтарный зал рода. Проход к Месту Силы, где я проходил инициацию в стихии и связал свою душу с алтарем рода.

В кабинете я занял место во главе стола, Моисей Яковлевич и штабс-капитан Измайлов сели рядом, а Саманта с бокалом глинтвейна, приняв отстраненный вид, опустилась в кресло в углу, у камина.

– Агтуг Сег-геевич, все по плану, все ваши указания выполнены в полном объеме, все...

– Моисей Яковлевич, – прервал я Фридмана, повинувшись вдруг появившемуся импульсу.

– Да, Агтуг Сег-геевич?

Моисей Яковлевич, с того момента как стал поверенным уже княжеского рода, акулы зубы себе отрастил еще больше и гораздо острее, чем раньше. Но по-прежнему выглядел и общался немного, а иногда и не немного несуразно. Даже кейс потертый все тот же с собой носит – кейс, в котором прячет пистолет калибра такого огромного, что медведя легко свалить. Причем пистолет этот в руках не отличающегося богатырским сложением Моисея Яковлевича выглядит настоящей карманной гаубицей.

– Моисей Яковлевич. Помнится, при первой нашей встрече, когда вы помогали мне решить некоторые проблемы сначала в Кобрине, а после в Высоком Граде, при желании вы изъяснялись без, так скажем, особенностей дефекта речи...

– Да как-то... пгивык уже, знаете ли, – пожал плечами Мо-

исей Яковлевич. – Пгофдефогмация...

Ну да, ну да – усмехнулся я. И всерьез его из-за этой «пгофдефогмации» не воспринимают. До того момента, как не поймут, что этот несуразный картавящий почти व्यонош, с ясными глазами удивленного младенца, уже не просто вцепился в тебя, как стая пираний, а начал рвать, как тузик рвет британский флаг.

Подумал, но говорить об этом не стал. Что-то накатило на меня; отстраненность какая-то от проблем, словно пытаюсь убежать от ответственности серьезных решений. Мне сейчас предстоит одно из самых важных дел в этой жизни, а я о причинах картавости Моисея Яковлевича задумался. Сентиментальность в глаза попала, не иначе – одернул я себя и вернулся в реальность, отбрасывая лишние эмоции.

Около получаса мне потребовалось на финальное, контрольное и очередное повторение указаний. Как пилот по чек-листу прошел: ведь оба они – и Измайлов, и Фридман, на неопределенный срок оставались охранять мою собственность. Усадьбу Юсуповых-Штейнберг, усадьбу Делашапель в Архангельске и все мои новоприобретенные княжеские активы – логистические терминалы и объекты туристического кластера. Все мое имущество от северного до южного российского моря вплоть до земель неизведанных, в общем. И Фридман должен был стать хранителем всего озвученного в юридической плоскости, а Измайлов в более физической.

Самое главное, конечно, о чем я еще раз, в очередной да-

же, не второй и не третий, упомянул, — это охрана этой усадьбы и Места Силы. И местного портала в Инферно: Измайлов, кроме всего прочего, из-за того, что я сейчас забирал с собой Чумбу, оставался за главного и в моих владениях в другом мире — на стоянке племени кровавых бурбонов, вождем которых я также случайно стал совсем недавно. Не без участия родезийской принцессы, кстати, которая сейчас заказала себе уже третий бокал глинтвейна.

Интересно, а если она сейчас накидается качественно, а потом промахнется и отрубит мне руку по самую шею?

Саманта вдруг, уловив эту мою неосторожную мысль, сверкнула глазами. Буквально сверкнула, пламенем. Резко обернувшись, растеряв всю отстраненную вальяжность и вскинувшись как хищная кошка, Саманта посмотрела мне в глаза.

«Иногда ты бываешь настолько невыносим, что хочется тебя ударить».

«Эм, ну я просто немного пережива...»

«Это. Безалкогольный. Глинтвейн».

«Упс. Ну прости, я не поду...»

Саманта меня уже не слушала — отвернувшись и плотно отгородившись ментальным барьером.

Мда, неудачно получилось.

Через несколько минут мы с Фридманом и Измайловым закончили. Оба одновременно поднялись и вышли — один готовить мой путь на Занзибар, второй контролировать под-

готовку медицинского кабинета. Где Накамура уже колдовал над бионическим протезом, маскируя все самое доступное и лучшее под обыденный девайс.

Когда Фридман с Измайловым вышли, Саманта на меня даже не посмотрела. Она грациозно потянулась и, отставив бокал, поднялась с кресла. Принцесса отвернулась от меня и медленно двигалась вдоль стены. Рассматривая оружие, трофеи и в очередной раз вернувшийся на место портрет Петра Алексеевича Штейнберга. Который теперь, кроме меня, остался единственным представителем имперского княжеского рода Юсуповых-Штейнберг.

Наблюдая за Самантой и зная особенности ее взрывного нрава, я думал, что бы такое сейчас сказать, чтобы... не додумал: неожиданно Ира с Адой, которые все это время молчаливо и незаметно стояли у дверей, одновременно развернулись и вышли из кабинета.

Она уже с ними мыслеречью общается? – удивился я, глядя на Саманту.

Принцесса на меня, кстати, по-прежнему демонстративно не обращала внимания. Сейчас она пристально рассматривала уже конкретное оружие, напоминавшее томагавк на цепи. По-моему, если не ошибаюсь, эта удивительная конструкция называется кусаригама.

Рассматривала Саманта сию кусаригаму настолько демонстративно, что я подумал, что лучше мне пока помолчать. И я, наблюдая за принцессой, не отказал себе в удовольствии

полюбоваться ее красотой. Пристальный взгляд она мой прекрасно чувствовала и через несколько секунд обернулась.

– Артур.

– Да?

– У нас с тобой, если все получится, впереди целая вечность. Но почему-то при каждой встрече у нас так мало времени, что я даже не могу достойно на тебя обидеться и показать характер, – с холодной злостью отчеканила Саманта.

– Сочувствую.

– Сочувствует он. Хам.

В ответ я только руками развел.

– Мой Бог, с кем я связалась, – закатила глаза и вздохнула Саманта. – Артур, мне после твоего хамства даже комплименты приходится выпрашивать!

– Мм...

Разочаровавшись в ожиданиях, Саманта вздернула подбородок, внимательно на меня посмотрела, а после изящно крутанулась в пируэте и подбоченилась.

– Красивая?

– Как богиня.

– А так? – поинтересовалась она, когда ее платье мягко, расплавленным серебром, скользнуло на пол.

Время у нас еще было – до рассвета оставалась целая вечность.

И хорошо, что Петр Алексеевич, который был фанатом охоты, развешивал по стенам кабинета не только оружие, но

и шкуры добытых животных. Поэтому даже отсутствие в кабинете хорошей кровати нам совсем не помешало.

В нормальное течение времени и восприятие реальности мы вернулись только тогда, когда темноту за окнами посеребрило вестником рассвета. Мы привели себя в порядок, я активировал рабочее пространство на столешнице и дал задание Измайлову начинать. Ира с Адой, кстати, в этот же момент зашли в кабинет – бесшумно и без вопросов. Ну точно с Самантой уже мыслеречью общаются.

Когда я получил подтверждение и от Фридмана, и от Измайлова, что все готово к началу ритуала, повернулся в сторону стены с камином. Положил руку на выемку в виде четырехлучевой звезды, и массивная стенная панель поползла в сторону, оглашая кабинет громким скрипом. Я при этом поморщился – постоянно забываю дать указание смазать механизм. Перед Самантой сейчас даже немного стыдно стало.

Стенная панель отъехала в сторону, пропуская нас на широкую лестницу. В обрамлении пламенных оранжевых отсветов мы с принцессой спустились вниз. Здесь, едва ступили на порог алтарного зала, Саманта замерла и придержала меня за руку, осматриваясь с интересом.

– Это... восхитительно, – тесно прижавшись, шепнула она мне на ухо.

– Ну... да. У меня настолько неприятный вкус, что готов довольствоваться лишь самым лучшим, – негромко прокомментировал я.

Природу восхищения принцессы при виде алтарного зала сам я, кстати, понял лишь совсем недавно. Меня раньше, в силу незнания, алтарный зал Юсуповых-Штейнберг совсем не удивлял. Ну, Место Силы и Место Силы, вроде чего такого. В свете того, что я с магией-то совсем недавно познакомился, в череде удивительных чудес это место, вернее, его антураж присутствовал отнюдь не на первых строках. И даже не на первых страницах списка того, чему следует удивляться.

Но, посмотрев на иные Места Силы, я постепенно начал понимать, что подземный алтарный зал, со столь большим Кругом Стихий, с огромным алтарем и с полным бассейном чистой стихийной энергии, – это для слабого имперского рода все же немного перебор. Это как в небольшом провинциальном городке, с населением едва в пару десятков тысяч человек, обнаружить храм, сравнимый с Казанским или Исаакиевским соборами.

Так что сейчас я вместе с принцессой словно новым взглядом обвел огромный зал, почти сравнимый размерами даже с главным зданием усадьбы. Саманта, еще крепче сжав мне руку, совершенно не скрывала восхищения, осматривая и купол с искусной росписью в красно-черных цветах, и высокие каменные обелиски круга стихий. Отдельного восторженного возгласа от нее удостоился пятиметровый, огромный дольмен алтаря в центре, в каменной выемке которого оранжевым светилась чистая стихийная энергия.

Священное для меня место. Место, где я проходил инициацию и где оставил частицу собственной души, связав себя с алтарем рода. И если я умру, по слепку души я не буду привязан к телу и месту гибели – могу воскреснуть прямо здесь, в бассейне родового Алтаря. И это же место работает для меня как маяк – я могу перемещаться сюда из других миров. Вернее, из другого мира – пока я пробовал переместиться сюда только из Инферно.

– Артур... – вновь, не скрывая удивленного восхищения, выдохнула Саманта.

Было отчего. В отличие от широкой лестницы, освещенной магическими факелами, в алтарном зале никаких светильников не было. Освещение рождалось здесь словно от самих стен, придавая окружающему оранжевый пламенный отсвет.

А при моем появлении на пороге зала наполненный силой алтарь рода словно ожил. Он сейчас напоминал проснувшийся вулкан в миниатюре: по каменным краям сверху вниз, в бассейн с чистой энергией, медленно потекли, спускаясь, потоки лавы. И не только лавы – вокруг камня клубились и непроглядно черные лоскутья Тьмы.

Хм. Чем больше численность рода, получается, тем нейтральнее выглядит алтарь – часто меняя признаки Стихии во время обращения к нему членов рода? Чем меньше численность рода, тем он сильнее походит на принадлежащую членам рода, а в данном случае мне одному стихию? Так, что

ли? Или это просто моя личная особенность?

Но, как бы то ни было, все равно неожиданная реакция Места Силы на мое появление. В этот момент наверху алтаря вдруг вспух огненный шар, и еще один раскаленный ручеек лавы медленно устремился вниз, в бассейн чистой силы.

– Ты полон сюрпризов, – негромко, по-прежнему не скрывая восхищения, прошептала Саманта, прижимаясь ко мне. Судя по эмоциям и расширившимся глазам принцессы, зал произвел на нее неизгладимое впечатление.

Правда, я здесь почти ни при чем. Род Юсуповых-Штейнберг искусственно создал русский царь для своих политических нужд, а покровительствовал имперскому княжескому роду сам Люцифер. Так что с такими товарищами наличие подобного Места Силы в провинциальной усадьбе, в общем-то, совсем неудивительно.

Я же сам здесь вообще почти случайно за главного оказался – просто волей геополитических игр в борьбе за Вольницу все остальные члены род покинули. Или погибли – вспомнил я озаренную сестру Анны Николаевны.

«Пойдем?» – отвлекла меня от этих мыслей Саманта.

«Пойдем», – вздохнул я.

Вроде не первый раз на эшафоте, но все равно не могу перестать волноваться.

Нужный нам обелиск находился в противоположной стороне от входа, и мы с Самантой обошли алтарный зал по кругу. Шли к обелиску, символизирующему огненную стихию, –

к двухметровому каменному столбу с выемкой наверху, в которой горел оранжевым пламенем Истинный Огонь.

Когда мы к нему подошли, Саманта вдруг сильно сжала мою руку и крепко-крепко меня обняла. Словно не желала отпускать. Я обернулся и посмотрел в глаза принцессы – но Саманта сразу смутилась и руку мою отпустила, отпрянув.

Времени на проведение ритуала у нас оставалось совсем мало – чтобы не начать опаздывать и не быть вынужденным бежать, догоняя время. Так что задерживаться я больше не стал. Торопливо раздевшись, создал аватар Огня. И, бросив последний взгляд на Саманту, кивнул ей на прощание и приготовился шагнуть в Огонь.

– Подожди, – вдруг ухватила меня за руку принцесса.

Она была крайне взволнованна, глаза – удивительное дело, влажные. Вот почему только что взгляд прятала.

– Я... я... – проговорила Саманта, но потом просто обняла меня и крепко поцеловала.

Замерев, я внимательно на нее посмотрел. Ничего спрашивать не стал – если сама не сказала, значит, и не скажет.

«Или скажешь?»

Отвечать Саманта не стала, просто еще раз, на пару мгновений прижавшись, крепко меня обняла. Погладив ее по волосам и поцеловав в лоб, я отвернулся и шагнул в аватар Огня.

Ни жара, ни какого-либо дискомфорта не почувствовал. Прошел сквозь чистую стихийную энергию словно через лег-

ко разорвавшуюся завесу из тонкой пленки, которая сразу же за мной сомкнулась. Бесформенный огненный кокон практически мгновенно принял форму моего тела, становясь словно второй кожей.

Все, теперь лучше не задерживаться – обернулся я к алтарю.

Ира и Ада, по-прежнему сопровождающие нас в роли безмолвных теней, остались у стены. Мы же вместе с Самантой подошли к алтарю по широкой, поднятой над Кругом Стихий каменной дорожке. Я шел первым, Саманта следом.

Оказавшись рядом с бассейном чистой силы, я опустил в него правую руку, заставив материализоваться клинок кукри. Сейчас мне нужно переместить в него фокус Источника, всю свою стихийную силу, высушив собственные энергетические каналы. Для того, чтобы, не отказываясь от дара владения отказаться от дара владения.

«Готова?» – поинтересовался я.

– Готова, – вслух ответила Саманта.

Я ее не видел, принцесса сейчас стояла за моей спиной. И уже должна была начать формировать стихийный меч из энергии Воды. Именно так: Вода нужна была как противоположность Огню – чтобы полностью отсечь энергетические каналы, чтобы я смог избавиться от дара в теле полностью.

Причем создать конструкт в виде стихийного меча из энергии Воды Саманта должна была находясь на Месте Силы, объятom враждебной противоположной стихией – Ог-

нем. Ни у одного адепта Школы Воды подобное никогда не получалось и не получится. Но Саманта была шаманкой, и работать она могла не с отдельно взятой стихией, а со многими стихиями. И с Огнем, и с Водой в том числе.

– Я готова, – услышал я, как повторила Саманта.

Надо же – я даже возмущения огненной стихии не почувствовал.

Очень способная девушка.

Прикрыв глаза, я принялся за дело. Для начала расправил руки и глубоко вздохнул, отдаваясь во власть Огня, удерживая контроль на самой границе потери. В теле появилась невероятная легкость, и меня даже приподняло на десяток сантиметров над землей, подхватив словно огромной аккуратной рукой. От меня потребовались некоторые усилия, чтобы не подняться еще выше и при этом удержать свое пограничное состояние. Но я справился. Не сложнее, чем вилли – езду на заднем колесе мотоцикла, в первый раз исполнять.

Закрыв глаза, «зацепившись» разумом за клинок кукри, я сделал глубокий вдох и уже полностью отдался во власть Огня. Сразу после этого пелена обволакивающего меня кокона начала разогреваться. Разогреваться постепенно. От кистей и стоп тепло распространялось по всему телу, постепенно поднимаясь все выше и выше. Сначала это было приятное тепло, но постепенно мне становилось все горячее.

Я чувствовал, как обволакивающая меня пелена аватара

Огня буквально всасывается в кожу, наполняя меня энергией. По венам уже побежала разогретая, почти закипевшая кровь, а сам я постепенно превращался в сгусток пламени. Которое все сильнее наполняло меня опаляющим жаром, обжигая каждую клеточку тела и превращая в настоящий огненный аватар.

Превращая почти всего меня – за исключением правой руки, которая уже вместе с объатым Тьмой клинком кукри была в бассейне алтаря.

Помнится, однажды во время занятия с Николаевым он попросил меня сформировать конструкт Огня в одной руке, а Тьмы в другой. Тогда это стоило мне несколько часов беспомощности. Сейчас же я смог удерживать в одной руке контроль сразу над тремя повинующимися мне стихиями – Огнем, Тьмой и Демоническим пламенем.

При этом я по-прежнему висел в воздухе, и некоторая часть концентрации уходила на поддержание равновесия. Кроме всего прочего, усложняя, комфорт теперь пропал – снаружи меня словно сжимала неимоверная тяжесть, а изнутри терзал нарастающей болью безжалостный огонь.

Весь энергетический каркас моего тела превратился буквально в раскаленную паутину. Огонь, которым меня объяло, выжигал все, что связано с Тьмой и Демоническим пламенем, при этом не уничтожая их, а вытесняя через правую руку в клинок кукри.

И когда Тьма в моем теле оказалась полностью выжжена,

а Демоническое пламя вытеснено, я начал понемногу словно снимать с себя аватар Огня. Стягивая его, как стягивают, выворачивая, прилипшую к коже мокрую футболку после тренировки. Действовал только я при этом не руками, а с помощью ментального воздействия. Постепенно сливая собственную силу в алтарь, при этом полностью высушивая энергетические каналы.

Не очень приятное ощущение – потому что, полностью иссушая тело от энергии, я начинал чувствовать настоящую боль от Огня. Сжав зубы, сосредоточившись только на собственном равномерном дыхании, я продолжал. Но боль становилась все сильнее, так что в один момент не удержался и негромко застонал.

Не знаю, сколько продолжалась эта пытка, – мне показалось, что очень долго. Очень. Я, конечно, знал, что это будет непросто. Но не думал, что это будет настолько сложно.

И не знаю, закончил бы я с первого раза подготовку к ритуалу или нет, как мне на помощь пришла Саманта. Принцесса обхватила меня сзади, прижимаясь. Причем она сейчас, совершенно неожиданно, сделала то же самое, что когда-то делала Ольга, когда мы с Николаевым ее чуть не убили, – Саманта, так же как Ольга тогда, выполнила со мной слияние душ.

Вот только Ольга в прошлый раз основательно готовилась, а Саманта сейчас сделала это спонтанно, импровизируя. Причем выполнила слияние душ она всего за пару мгно-

вений, даже не снимая одежду, без долгой концентрации и держа в руках меч из чистой стихии Воды, накрывая его огненным щитом.

Я же говорил уже, что Саманта способная девушка?

От невыносимой боли я уже плохо соображал, но с помощью принцессы дело пошло. Огненная пелерина, окутывающая меня, осталась уже только на правой руке – а бассейн алтаря при этом бурлил кипящей лавой, вокруг которой носились многочисленные змеи черных лоскутов Тьмы.

– Давай! – прохрипел я, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание от боли.

Саманта отстранилась, и сразу же мелькнул яркий ро-счерк синего – инородно выглядящий в этом царстве крас-ных, черных и оранжевых всполохов, объявших алтарный зал. Саманта взмахнула стихийным мечом вдоль поверхно-сти кипящей в алтаре лавы. Причем сделала это идеально ровно, так что лезвие скользнуло в миллиметрах от поверх-ности.

И в момент удара стихийным мечом перед глазами у меня сверкнула яркая вспышка. Сверкнуло так ярко, что я на пару мгновений ослеп, а перед взором появились всполохи синего и красного.

Словно оказался в эпицентре взрыва – тем более что я почувствовал, как стремительно лечу вверх, будто действительно откинутый взрывной волной. На краткий миг испугался, что сейчас со всего размаху вот-вот врежусь спиной в

купол алтарного зала.

Не врезался. Но, к моему ужасу, все оказалось гораздо страшнее, чем я представил себе происходящее изначально.

Взрывная резкость выбросившего меня из тела импульса словно потерялась в вязком и мутном потоке. Теперь я взлетал под потолок зала с каждым мгновением все медленней, как будто пробиваясь сквозь плотную толщу воды; кроме того, я перестал ощущать себя в норме – тело стало словно ватыным, не реагирующим на нервные импульсы. А чуть погодя ощущение тяжести тела и вовсе исчезло – и по ощущениям я воспарил над алтарем бесплотным духом.

«Не получилось и все пошло по бороде?» – мелькнула паническая мысль, выраженная чуть короче и ярче.

Все получилось – пришел тут же ответ, когда яркая пелена взрыва столкновения стихий перед взором постепенно спала и я смог посмотреть, что происходит. Все действительно получилось. Вот только получилось совершенно не так, как я этого ожидал.

Я сейчас, в виде бесплотного духа, наблюдал за происходящим у алтаря со стороны. Видел, как Саманта опускается на колени рядом со мной, как всполохом чистой энергии останавливает кровотечение – судя по тому, как «я» у алтаря не удержался от крика, это было больно.

Еще я видел, как к успокоившемуся алтарю стремительно подбегают Ира и Ада, помогая Саманте меня поднять. Смотрел, как кисти рук принцессы загораются зеленым сиянием,

как она подносит руки мне к вискам. Еще я наблюдал даже, как тот «я», оставшийся сейчас у алтаря, пытается шутить с кривой от боли улыбкой.

Сам же я ощущал себя скованным, отделенным от тела бесплотным духом и смотрел на происходящее никак не в силах на что-то повлиять и дать о себе знать. Зависнув над алтарем, я смотрел, как Саманта, помогая «мне» идти, вышла из алтарного зала.

Вышла вместе со мной. В то же время я остался здесь.

Я сейчас существую в той части души, которая осталась здесь, в алтаре, вместе с клинком кукри. Существую бесплотным духом, привязанным к алтарю Места Силы и ограниченным периметром Круга Стихий, – пришла догадка.

Я – оживший, вернее, осознавший себя слепок души, отделенный от тела.

Так. Спокойствие, только спокойствие.

Если рассуждать логически и рационально, особенно учитывая, сколько силы я слил в алтарь и что здесь, в этом самом алтаре, уже находится частица моей души, происходящее неудивительно. Неудивительно, что оставленный здесь мной в алтаре слепок души оказался настолько... сильным, так скажем, что обрел самосознание. Вот только что будет теперь? Я так и буду существовать здесь бесплотным духом, пока тот «я», которого увела Саманта, не заберет обратно в свой энергетический каркас клинок кукри вместе со мной или даже не погибнет?..

Искусственно неспешный ход моих мыслей вдруг оборвался, как обрубленный. Потому что я понял, что постепенно, с каждой секундой, краски мира вокруг теряют яркость, угасая.

Я медленно, но неотвратимо погружался в темноту. Это оказался очень неприятный процесс необратимого угасания. Ощущения намного хуже тех, что я испытывал, находясь в теле убитого Олега. Там я хотя бы знал, что меня должны воскресить. Сейчас я не знал вообще ничего, понимая, что происходящее вышло из-под контроля.

Вдруг на пороге зала появилась Саманта. Она двигалась быстро – принцесса сбежала по лестнице и торопливо подошла к Огненномуobelisku. Осторожно ступив на дорожку к алтарю, она дошла до бассейна с чистой энергией. Положив руку на алтарь, Саманта осмотрелась вокруг, словно ища кого-то взглядом.

– Если ты здесь... если ты слышишь, – проговорила принцесса, осматриваясь по сторонам. – Знай, я буду тебя ждать.

Я, конечно, знаю, что она – девушка способная. Но, похоже, раньше я даже близко не догадывался насколько.

Саманта, получается, прекрасно понимала, что случится. Знала, что ритуал пойдет не совсем так, как я себе это представлял, и часть моей души останется здесь. Вот что она знала и о чем молчала. И вот почему в ее поведении появилось так много изменений, в том числе демонстрация открытой нежности. И ее глаза на мокром месте – получается, она

предполагала, что эта часть моей души может угаснуть навсегда.

Знала и предполагала, но почему не попыталась мне об этом сказать или отговорить? Потому что умная и понимала, что от ритуала я не откажусь.

Вот только откуда она все это знала? – мелькнула у меня мысль перед тем, как оставшаяся здесь разумная часть моей души полностью растворилась в алтаре, на дне которого лежал клинок кукри. Последнее, что я сумел увидеть в серых всполохах, в уже расплывающемся темно-сером мареве, было то, как Саманта достает из алтаря кукри.

Сразу после этого накатила полная, непроглядная, абсолютная темнота.

При этом разум не погас. И более того – вокруг вдруг все заполнило беспощадно ярким светом. Невольно зажмурившись, еще и прикрыв глаза рукой, одновременно с этим движением я почувствовал прекрасное ощущение – осознавая себя в собственном теле.

Вновь привыкая к обычному освещению, я чуть приоткрыл слезящиеся от света глаза. Под ногами неровный каменный пол, по сторонам – неровная грубая кладка стен круглого зала башни; в узких бойницах видны мириады звезд.

В принципе, предсказуемо – снова я в замке междумирья, в гостях у одного из архидемонов. Не обращая внимания на вызванную ярким светом резь в глазах, убрал ладони от ли-

ца, осматриваясь.

Знакомая неровная кладка булыжников, с набросанной поверх соломой. Путеводной звезды под ногами не видно.

Значит, Астерот.

– Ну привет, – все еще щурясь, постепенно начиная видеть силуэт собеседника, произнес я.

Архидемон стоял спиной ко мне на противоположной стороне зала, с бокалом в руке глядя в пространство космоса за окном. Обернувшись, он обозначил намек на улыбку. Пусть сквозь слезы и резь в глазах, но я уже смог хорошо его рассмотреть.

Это был высокий седой мужчина в темно-зеленом мундире с воротником-стойкой.

Первый одаренный кондотьер, глава Лиги Севера, миланский герцог Франческо Бальтазар Сфорца.

– Ну здравствуй, – принимая предложенный тон, отсалютовал мне бокалом архидемон Баал.

Глава 2

Когда мы встречались с Баалом в прошлый раз, он хотел меня убить. И что от него ждать сейчас, я не знал. Но точно, что ничего хорошего – если Баал выдернул мою душу сюда, то дело, похоже, реально дрянь...

– Можешь не волноваться, – усмехнулся Баал. – Дело не настолько плохо, как тебе кажется.

– Но и не настолько хорошо, как хотелось бы.

– Не поспоришь, – задумчиво кивнул архидемон и сделал глоток вина.

Впрочем, небольшой повод сохранять оптимизм у меня был. Все предыдущие случаи, когда я оказывался в затерянных среди бескрайнего космоса замках междумирья, я имел все основания считать, что в реальности уже умер. Сейчас же обстоятельства складываются так, что...

– Сейчас же ты действительно умер, – вдруг рассмеялся Баал.

Ч-черт.

– Не переживай, я все объясню, – небрежно махнул рукой архидемон. – Чай? Кофе? Может быть, что покрепче?

Показательная дружелюбность враждебного мне архидемона настораживала даже сильнее, чем его показательное безразличие в первую нашу встречу.

– Артур.

– Да?

– Ты же умеешь разделять врагов и противников. Если я однажды хотел тебя убить, это не значит, что я к тебе с неприязнью, вот прямо до зуда в корнях зубов. Ничего личного, это просто политика и, если тебе угодно, география. Так что давай забудем недавние недоразумения и поговорим как цивилизованные люди, безо всяких показанных друг другу бесстыжих средних пальцев.

– А если нет?

– А если нет, могу показать, в какой стороне дверь, и мы больше, в пределах одной вечности, никогда не увидимся. Ну так что, чай, кофе?

– Чай. С корицей и бадьяном, без сахара, но с медом.

– Пожалуйста, – покладисто кивнул Баал. После чего прошел от бойницы и уселся за накрытый атласной скатертью стол, приглашающе указывая на место напротив себя.туда, где уже стоял на подставке полный стеклянный чайник, кружка на блюде и небольшая плашка с медом.

Как обычно в играх времени и пространства, и стол, и чайник появились только что, при этом они же находились здесь с того самого момента, как я появился в круглой башне замка.

Несмотря на слова Баала, настрой у меня был не очень хороший. Все же оказаться в зоне влияния враждебного архидемона не очень приятная перспектива. Но к столу я подошел, чаю себе налил, размешал ложку меда в чашке.

– Десерт, может?

– Да, было бы неплохо. Желательно Павлову классическую.

– Пожалуйста, – кивнул Баал.

Хоть сладкого поем напоследок – подумал я, разбивая меренгу десерта, размешивая ее со свежими ягодами и густым заварным кремом.

Времени у нас с архидемоном, судя по всему, было много – потому что пока я пил чай и наслаждался десертом, пытаюсь собрать мысли в кучу, Баал на меня даже внимания не обращал. Сидел напротив и над моим плечом все так же рассматривал панораму бескрайнего космоса, потягивая красное вино. И только когда я съел последнюю ложку десерта, Баал отставил бокал в сторону.

– Для нашего с тобой разговора есть небольшой нюанс препятствия, – сообщил мне архидемон.

– Какой же?

– Дело в том, что ты уже умер, но еще нет.

Несмотря на странность высказывания, я его прекрасно понял. Архидемоны ребята такие – течение времени, его варианты, они видят так же, как лучшие гроссмейстеры видят развитие событий на шахматной доске, представляя разные варианты событий на много ходов вперед.

Так что после слов Баала я понял, что тот самый «я», который остался в собственном теле в алтарном зале и которого под руку увела Саманта, хотя еще и не умер, но должен

умереть. Как понимаю, при любом раскладе.

– Правильно понимаешь, – усмехнулся моим мыслям Баал. – И у меня есть кое-что, что я могу тебе сообщить. Очень важная и для тебя, и для твоих миров информация.

«Моих миров?»

– Вот только для того, чтобы я тебе об этом рассказал, есть необходимость выполнения небольшой условности.

Баал сделал паузу, но спрашивать я ничего не стал, просто ожидая продолжения.

– Там, в единственно реальном для твоего мира течении времени, ты пока еще не умер. Давай, для простоты понимания, будем называть того тебя Драго.

«Драго?»

– Драго Младич. Это имя первой маски, которое тебе придумал твой юрист.

– Мм... Драго, значит, – хмыкнул я, вдруг поняв, что свое новое имя я как-то упустил в процессе планирования.

– Для того чтобы подарить тебе новые знания и чтобы избежать при этом эффекта бабочки, мне придется синхронизировать твою душу с потоком времени твоего мира. Пока Драго не умрет, все это время ты должен будешь находиться здесь, в этом замке. И проживешь здесь ровно столько, сколько проживет до своей смерти Драго.

«...А давайте еще захватим Амстердам!» – «А зачем?» – «Отличный план!» – подсказал мне внутренний голос.

В прошлый раз Баал хотел меня убить, своим поведением

отвлекая от нападающей твари. Сейчас, похоже, он решил сделать это немного красивее. Ведь если я останусь здесь в привычном течении времени, связанный с этим замком, то, когда я (Драго) умру, воскреснуть не смогу, потому что буду сидеть здесь без связи с Местом Силы.

Баал, кстати, в ответ на мои мысли только покачал головой разочарованно.

– Хорошая попытка, но нет, – усмехнулся я.

Баал снова разочарованно вздохнул и посмотрел на меня так, как смотрят на наивного ребенка.

– Очень хорошая попытка, – поправился я.

– Артур.

– Да.

– Вспомни, пожалуйста, все, что за все время вашего общения говорил тебе мой добрый друг и коллега, уважаемый Астерот. Он сказал тебе невероятное множество вещей, которые, хочу заметить, уже подвели и тебя, и весь твой нынешний мир под монастырь. Но при этом, заметь! – Баал сейчас, акцентируя внимание на своих словах, даже указательный палец приподнял. – Заметь, при этом мой добрый друг и коллега Астерот не сказал тебе ни слова неправды. Вспомни, пожалуйста, я подожду.

Пока я честно вспоминал все наши предыдущие беседы с Астеротом, Баал забрал со стола бокал с вином и удалился к окну, наблюдать за вечностью.

Я же вспоминал и анализировал все наши встречи с Асте-

ротом.

– Если хочешь, – заговорил вдруг Баал, – я могу дословно повторить тебе все содержание ваших бесед. Но в этом нет нужды, ты все и так прекрасно помнишь. А теперь скажи, пожалуйста, помнишь ли ты о том, каким образом карма влияет на одержимых?

– Да.

– Таким же образом, только гораздо более серьезным я могу столкнуться с последствиями кармы, если обманом лишу тебя возможности воскрешения. Я тебе сейчас официально, могу даже под протокол беседы...

При этих словах рядом со мной в воздухе соткался лист бумаги, на котором русским по белому начали появляться выписываемые каллиграфическим почерком слова архидемона.

– ...под протокол беседы могу заявить, что не собираюсь обманом лишать тебя возможности воскрешения после гибели оставшейся в мире ипостаси твоей души. И по истечении срока, ограниченного первой смертью ипостаси своей души, которую мы договорились называть Драго, ты возродишься на том самом Месте Силы, где провел ритуал разделения стихии и души.

– Мы с Самантой договорились, что она возродит меня на Месте Силы в Родезии.

– Без комментариев. Я, если быть честным, и так уже сказал много больше того, что позволяют себе сказать думаю-

щие о сохранности своей жизни и здоровья, – только и ответил Баал.

Внимательно глядя на архидемона, я лихорадочно размышлял.

– Времени у нас достаточно, можешь обдумывать все без такого сумбура, – произнес Баал. – Подытоживая, давай я тебе помогу, в какую сторону думать: у тебя сейчас есть выбор. Или принять мое предложение, выслушать все, что я тебе скажу, и ожидать, когда Драго в реальном течении времени умрет и ты получишь возможность возродиться. Либо же я возвращаю тебя прямо сейчас во Тьму небытия, из которой тебя – по субъективным ощущениям через мгновение, вытащит ритуалом воскрешения твоя принцесса. Решай.

– Сколько мне придется здесь ждать?

– Не разочаровывай меня, – ответил Баал.

Чтобы понять, что он имеет в виду, мне потребовалось несколько минут. Не сказать, что это было просто, но решение действительно лежало на поверхности.

Три месяца, не больше – почти уверенно предположил я. Потому что я, только что, во время ритуала, по сути, отказался от темных искусств. И если мое предположение верно, а Баал не зря только что упомянул о карме одержимых, то срок моей жизни, вернее, жизни Драго ограничен тремя месяцами. Об этом же, кстати, косвенно говорило и условие Астерота – который поставил мне задание стать членом правления корпорации Некромикон максимум за три месяца.

– Библиотека здесь есть? – осмотрелся я по сторонам, в некоторых бойницах наблюдая соседние башни замка.

– Конечно, весьма богатая.

Вздыхнув и даже прикрыв глаза, я послушал собственное предчувствие.

Предчувствие молчало. Конечно – ведь это дьявольское предчувствие, подаренное мне Астеротом. И в делах архидемонов оно просто не работает – думаю, у Баала к нему резист. Так что с архидемонами за покерным столом, если вдруг придется играть на деньги, подавляющего преимущества я не получу. Ха, ха, ха.

Думал я долго. На самом деле думал долго – хотя решение уже принял. Просто искал железный повод решение свое в жизнь не претворять.

– Я послушаю и подожду, – рискнул я.

«Идиот!» – голосом Папанова сопровождал мой выбор внутренний голос.

– Отлично. Рад за тебя, – улыбнулся архидемон.

– Я весь внимание, – произнес я, заполняя паузу и наливая себе еще чаю. Простыми движениями заглушая мандраж от волнения о последствиях собственного решения.

– Итак, начнем, – усмехнулся Баал, прекрасно чувствующий мои переживания. – Совсем недавно, буквально сегодня, по заданию моего доброго друга и коллеги Астерота, с которым у тебя заключен контракт, ты провел ритуал отделения энергетического слепка души от физического тела.

И сегодня же, в целях исполнения контракта с ним же, ты улетел на остров Занзибар, где располагается филиал корпорации Некромикон. Ты улетел на остров для того, чтобы за срок менее чем в три месяца занять одну из ведущих ролей в правлении корпорации.

Баал сделал паузу, словно ожидая от меня вопросов. Но в разговорах с архидемонами всегда по максимуму лучше молчать и по минимуму говорить, поэтому я просто ждал продолжения.

– Ты, по условиям договора с моим добрым другом и коллегой Астеротом, отправился на остров без дара владения, без каких-либо ресурсов, без права запрашивать помощь у оставленных тобой на Большой земле, так скажем, близких людей. С тобой в начале пути оказалось лишь пять спутников из прошлой жизни: подполковник в отставке Абрам Сергеевич Либерман, более известный как дядюшка Абрам, негражданин Гекдениз Немец, негражданин Василий Ндаба-нинга, отставной вахмистр Корпуса Жандармов Войцех Ковальский и кровавый бурбон, которого ты назвал Чумба.

«Войцех Ковальский?» – удивился я услышанному.

– Да, о том, что мой добрый друг и коллега Астерот отправил его тебе на помощь, ты узнал лишь по прибытии на остров, – кивнул Баал.

Пока я слушал архидемона, было непривычно воспринимать будущие события в прошедшем времени. Мой понятийный аппарат все время на этом чуть-чуть, но спотыкался.

– Воспринимай это как уже случившееся, как рассказ пусть о близком тебе, но о другом человеке, – улыбнулся Баал. – Давай я буду дальше называть тебя просто: Драго. Итак, в этой невеликой, но весьма респектабельной компании Драго оказался на задворках главной мусорной помойки города-острова Занзибар. Но, как юноша талантливый, этого не отнять, не прошло и недели, как у Драго появились деньги, связи, и даже более того – к нему вернулся дар владения.

«Как так?»

– Довольно просто, – в ответ на мои мысли отвлекся от основного рассказа Баал. – Если ты помнишь, однажды в Елисаветграде княгиня Анна Николаевна, вместе с протеже моего доброго друга и коллеги, уважаемого Люцифера, да-да, я сейчас о юной княгине Анастасии, выжигали поразившую тебя Тьму. В тот момент, как вижу, ты сейчас это прекрасно вспомнил, у тебя появилась живая татуировка Огня, которая постепенно сошла на нет. И ты сегодня, иссушая энергетические каналы, про нее просто забыл.

Так. Живая татуировка на плече и груди, с горящим внутри истинным Огнем... Я действительно про это забыл напроць.

Посмотрев мне в глаза, Баал рассмеялся.

– Конечно, когда о твоём пути будут слагать легенды, обязательно скажут, что их было не пятеро, а четверо и что астральный след татуировки, обманывая богов и саму вечность бытия, ты оставил сознательно. Но оставим это хронистам,

мы же сейчас говорим про реальность. В общем, проводя ритуал разделения, ты забыл про татуировку, и при контакте с одаренной, которую Драго получил задание учить, при касании созданного ей элемента истинного Огня, к нему через сохранившийся в астрале след татуировки вернулся дар владения Огненной стихией.

– Занзибар – это же закрытый для одаренных отдельный автономный дистрикт. Откуда там одаренная, которую нужно учить? – спросил я, от удивления забыв, что в разговоре с архидемонами лучше по возможности сохранять молчание.

– Прятать что-то лучше на самом видном месте.

– Прятать одаренного?

– Да. Драго учил некую Николетту Агилар. Она уникал, такая же, как и ты. Николетта Агилар способна оперировать силой стихии Огня напрямую, без использования Источника. Она абсолютное оружие. Очень хорошая девочка, береги ее... как сказал Драго недавно своему и твоему доброму другу Валере.

– И Валера уже там?

– И Валера уже там, – кивнул, усмехнувшись, Баал.

Воу. Как интересно я, вернее, Драго живет.

– Артур.

– Да.

– Не отвлекайся, пожалуйста, мы сейчас о судьбах миров. Итак, Николетта Агилар – одаренная дочь Доминики Романо. А Доминика, кроме всего прочего, является главой

семьи Романо, возглавляющей группировку под названием Санта-Кроче, контролирующую немалую часть криминальной жизни мегаполиса Занзибар. Внимание же Доминики Драго привлек, когда, с помощью весьма своеобразной дипломатии, забирал в зону своего влияния мусорный полигон. И... напомним-ка, пожалуйста, свою легенду. Самый последний уровень маски, в которой ты собирался лететь на Занзибар.

Драго Младич – самая первая, видимая маска личности. Самым же последним, основным уровнем моей маски, скрывающим Артура Волкова, была легенда Максима Аверьянова – вымышленного брата убитого мною Антона Аверьянова. Это была скрупулезно составленная и идеально подготовленная крепкая легенда, которую мы оживили вместе с Моисеем Яковлевичем, воспользовавшись помощью Власова.

И по этой легенде, сразу после убийства брата «Максим Аверьянов» захотел отомстить Артуру Волкову. Но разрешения на дуэль не получил и пошел на конфликт со старшими в клане. В результате вызвал на дуэль уже главу клана – Власова. До того еще момента, как Власов с моей помощью лишился власти и принял постриг.

Дуэль вымышленный «Максим Аверьянов» проиграл, якобы попал в тюрьму клана, откуда сбежал с помощью матери в Высокий Град. А из Высокого Града, уже после того как Волынский протекторат перешел под внешнее управление Российской Конфедерации, Максим Аверьянов, замечая сле-

ды, элиминировав собственный Источник, направился еще дальше, на Занзибар, как политический беженец. Должен отправиться сегодня, вот уже прямо скоро-скоро, с документами на Драго Младича – на первое «свое» имя, о котором я даже забыл Моисея Яковлевича спросить.

Вспомнив обо всем этом, я внимательно посмотрел на Баала – думая, как выразить все это в несколько слов. Но, как оказалось, ему – читающему мои мысли как открытую книгу, было достаточно лишь того, что я об этом вспомнил.

– Доминика Романо обратила на Драго внимание не без посторонней помощи. Нанять его в качестве учителя к своей скрываемой от одаренных дочери сеньоре Романо посоветовал некто герцог Алессандро Медичи из Флоренции. Знаешь такого?

– Да, – коротко ответил я. – Он действовал как Астерот или...

– Нет. Это он сделал именно как герцог Медичи.

Как объяснял однажды мне сам Астерот, внешность герцога Медичи он принял ради удобства общения со мной. И флорентийский герцог не является его прямым аватаром в мире. Это лишь фигура в мировой игре – причем самостоятельная фигура, которая защищает собственные интересы, максимально близкие к интересам архидемона. Так же как российский император своими действиями защищает и укрепляет позиции Люцифера и как миланский герцог Сфорца – позиции архидемона Баала.

– Но во всей этой истории наставничества Драго действительно присутствует след и замысел моего доброго друга и коллеги Астерота. Дело в том, что Доминика Романо – не только глава криминальной группировки Санта-Кроче, одной из влиятельнейших в автономном дистрикте Занзибар. Доминика, кроме всего прочего, последние семь лет занимает в корпорации Некромикон должность оперативного советника руководителя службы внутренней безопасности африканского направления. И на Занзибар она прибыла как раз к началу подготовки к корпоративной войне, которая уже все ближе и ближе. Буквально на пороге. И несмотря на то, что должность Доминики звучит как «советник», можешь не сомневаться, она самый настоящий серый кардинал корпорации. И именно она совсем недавно познакомила Драго с Эмили Дамьен. Помнишь такую?

Еще бы я не помнил. Эффектная дама, бывшая одаренная, бывшая глава Дома де Лаллен. Эффектная дама, голова которой весьма эффектно взорвалась в кровавую кашу во время нашей уютной беседы в башне Некромикона в Хургаде, которая потом чуть-чуть сгорела.

Правда, до конца Эмили Дамьен не умерла – потому как обладала техномагическим бессмертием. Сохранив душу на цифровом слежке души, причем размещенном в магически созданном облачном хранилище.

– Доминика, когда приблизила Драго к себе, держала в уме возможность бессмертия как фактор, который может

крепко привязать его к ней. Очень, надо сказать, необходимый для Драго интерес.

– А зачем мне, вернее, Драго блок сохранения сознания, если...

Не договорив, я задумался. Баал внимательно смотрел на меня, после чего удовлетворенно кивнул.

– Все верно. Ты, став уже не столько Артуром, сколько Драго, в первые же дни, как прибыл на Занзибар, стал кое-что подозревать. Подозревать о том, что, из-за разделения собственного тела и слепка души, в случае смерти на Месте Силы в Елисаветграде возродится не он, не Драго, с памятью собственной прожитой жизни, а воскреснешь именно ты в нынешнем состоянии. Ты воскреснешь, – отсалютовал мне бокалом с вином Баал. – Возродишься в состоянии Артура Волкова на сегодняшний день, на момент проведения ритуала. А тот Артур Волков, который стал Драго Младичем, тот, кто сегодня вышел из алтарного зала, умрет. Навсегда.

Однако.

Сложно мне сейчас было думать о «Драго» одновременно и как о себе, и как о другой ипостаси собственной души. Но я справлялся.

– Именно цифровым бессмертием Драго и планировала привязать к себе Доминика. Но, как я уже говорил, ты, ну и он, естественно, парень способный. И Драго нашел способ приобщиться к цифровому бессмертию без участия госпожи Доминики. С помощью...

– Маши Легран и Алисы Новак, она же Линда Ружичка, она же Бланка Рыбка?

– Она же теперь Алиса Дюваль. Но, вообще, нет, не с их помощью. Все вы – и Маша, и Алиса, и Драго, в этой истории оказались лишь исполнителями воли... Алессандро Медичи, герцога флорентийского.

– Исполнителем воли Астерота? – счел нужным я уточнить.

– Нет, исполнителем воли именно герцога Алессандро Медичи.

– Вот даже как.

– Вот даже так, – кивнул Баал. – Давай я тебе совсем немного расскажу, как делаются дела. Герцог Алессандро Медичи уже более тридцати лет возглавляет немалую часть старой европейской аристократии, связанную так называемым Темным пактом. Это соглашение, подписанное старой аристократией и некоторыми монархами из Большой Четверки.

Темный пакт инициирован старой аристократией в целях предотвратить все нарастающую опасность власти корпораций. И в самом ближайшем времени, согласно Темному пакту, должен был произойти конфликт между корпорациями CMT и Nkr.com. Которые, если ты немного вспомнишь и проанализируешь историю, даже на самый поверхностный взгляд выглядят так, что не остается сомнений – обе корпорации искусственно созданы старой аристократией француз-

ской республики, как два противовеса друг другу. Но, как говорите вы, русские, гладко было на бумаге, но забыли про овраги – в результате получилось не совсем так, как планировали. Причем в немалой степени благодаря тебе.

– Опять я виноват?

– Не в полной мере, но да, без тебя не обошлось. Получилось так, что совсем недавно корпорация СМТ отошла в сторону. Но организаторами и интересантами первой корпоративной войны этот вариант был просчитан – едва СМТ отошла в сторону, не желая участвовать в бойне, в это же время на горизонте появилась Ганза. Немцами, так уж получилось, всегда затыкают дыры планов, если нужно найти проигравшую сторону. Что поделать, судьба такая, – вздохнул Баал. – Так что в самое ближайшее время остров Занзибар и, возможно, даже весь протекторат Танганьика должны стать полем масштабного боя между корпорациями. Двумя, может быть даже тремя, а то и четырьмя. Войны никто не хотел, война была неизбежна.

– А четвертый кто?

– Британская Южно-Африканская Компания.

– И за что они все будут воевать?

– За влияние и авторитет силы, конечно же. Но ты задал неправильный вопрос – не «за что» они будут воевать, а «зачем». Управляемые старой аристократией корпорации будут воевать ради самой войны. Как бы сказал ты сам, отвечая на этот вопрос, масштабная и безжалостная корпоратив-

ная война должна стать для мира демонстрацией растущей силы корпораций, становящихся опасными для существующего миропорядка. Своеобразная Хиросима и Нагасаки для этого мира.

– А это не так? Корпорации не опасны для мира? – уловил я в голосе архидемона нескрываемый скепсис небрежения.

– Могу тебя расстроить: одаренные без противовеса в виде корпораций гораздо более опасны для этого мира.

Архидемон почувствовал мое недоверие и даже развел руками.

– Корпорации – несомненное зло. Но кто породил это зло? Та же Эмили Дамьен, которой ты так красиво объяснил, почему убиваешь и будешь убивать таких, как она, демонов, это же плоть от плоти старая европейская аристократия. Корпорации – это всего лишь инструмент, идеальный для эффективного управления третьим миром. Такой же инструмент, как молоток – которым можно забивать гвозди при постройке дома либо ломать кости в процессе грабежа. Кому, как не тебе, это понимать?

Слова Баала я предпочел оставить без ответа.

– Но это несущественный вопрос, – махнул рукой архидемон. – Люди как люди, всегда и везде одинаковы, и даже квартирный вопрос окончательно человечество испортить не смог. Вопрос опасности одаренных совсем в другом, и ты сейчас думаешь немного не в ту сторону. Как бы, опять же, сказал ты сам, чтобы продать что-нибудь ненужное, для на-

чала нужно купить что-нибудь ненужное. Как ты думаешь, безоглядно используя стихийную энергию, владеющие одаренные задумываются о том, к каким последствиям для планеты это приведет? Сосуд пока не пуст даже наполовину, но это только пока. Если сдерживающий фактор в виде технологического противовеса корпораций для одаренных исчезнет, то последствия для всего твоего нового мира будут ужасными.

Баал, чувствуя мое внутреннее неприятие высказанных аргументов – «но ведь корпорации», даже поднял руку.

– Да, стерильный фашизм, цифровой концлагерь и все такое прочее... но ты должен понимать, что это всего лишь ступень, способ выживания человечества, самого выживания вида *homo sapiens*. Ладно, не будем заниматься демагогией, у нас сегодня совершенно иной дискурс, поэтому давай вернемся к моим уважаемым друзьям и партнерам. Первый из них, Астерот, предложил Драго умереть во имя спасения этого мира. Причем предложил ему умереть окончательно – с исчезновением той ипостаси души, которую ты от себя отделил и которая сейчас живет как Драго. В общем, это долгая история, результат который состоит в том, что Драго на это согласился...

«Очень удивительная новость, в которую я просто не в силах поверить», – мысленно изумился я. Уложившись при этом, правда, всего в два слова – одно из которых было «что», а второе начиналось на букву «б».

– Мой добрый друг и коллега Астерот был весьма убедителен, – усмехнулся Баал. – И, прошу заметить, также не сказал ни слова неправды. Драго после его объяснений понял, что, если не пойдет на смерть во имя спасения мира и счастья для всех, не сможет договориться со своей совестью. Но едва Драго принял решение, как вмешался мой добрый друг и коллега Люцифер. Он, предотвращая достойное уважения желание Драго самопожертвования, подсказал ему иной путь – путь, о котором мой добрый друг и коллега Астерот, я уверен, просто забыл Драго рассказать. Этот путь, если вкратце, – получить цифровое бессмертие и не умирать истинной смертью, выполнив для этого несколько условий.

– И...

– И, как я тебе уже раньше сказал, цифровое бессмертие Драго получил. И совсем скоро умер. Спасая, кстати, Николетту Агилар, которая без него уже не представляет собственной жизни. Поздравляю, Артур умер, да здравствует Артур – через некоторое время, когда ты проживешь в этом замке отмеренный для Драго срок, ты сможешь возродиться в своем прежнем теле.

– А... Драго?

– Нет.

– Почему?

– Знаешь, что мне нравится в вас, в русских? – вдруг заинтересовался Баал.

«Конечно знаю, я же, мать его, просто знаток архидемо-

нов», – саркастически подумал я.

В ответ на мои мысли Баал громко и заразительно засмеялся.

– Как давно я не общался с простым смертным как с равным, – покачал он головой. – Теперь я начинаю понимать удовольствие, которое при беседах с тобой испытывает мой добрый друг и коллега Астерот. Так вот, о чем я... у вас, русских, всегда только два вопроса: кто виноват и что делать. Но самое что мне больше всего в вас нравится, так это то, что вопрос «Кто виноват?» вы задаете всегда первым. Всегда.

«Очень смешно».

– Ладно, давай вернемся к реальным делам. Драго не сможет возродиться, потому что он умер, – улыбнулся Баал. – И более того – совсем скоро, если бы мы с тобой сейчас не беседовали, Драго умер бы истинной смертью. Умерла бы его душа. К счастью и к надежде для него, о чем он, правда, пока не знает, он согласился рискнуть ради тебя, а ты согласился рискнуть ради него. И вот теперь мы подошли к самому главному. Внимательно слушаешь?

– Более чем.

– План Драго, который подсказал ему мой добрый друг и коллега Люцифер, заключается в том, чтобы создать двух двойников в одном мире. И одному из них – ему, Драго, возглавить объединенную на весь мир корпорацию, а второму – тебе, Артуру, возглавить одаренных. Заняв, на выбор, трон Российской или Британской Империи. Две судьбы, две моде-

ли мира. Прекрасный, амбициозный... но абсолютно невыполнимый план. Потому что, к сожалению, мой добрый друг и коллега Люцифер, я уверен, просто случайно забыл Драго кое-что сообщить. Он забыл рассказать ему о том, что план Драго в этом виде не имеет даже малейшего шанса на реализацию. Все потому, что у мироздания нет правил, которые необходимо соблюдать, но есть законы, которые нельзя нарушать. И самое главное препятствие плана Драго заключается в том, что в одном отдельно взятом мире может присутствовать лишь одна ипостась одной души. В этом мире может присутствовать только один из вас. Возродить тебя у Саманты – получится. У Николетты возродить Драго – нет.

– И что делать?

– И это правильный вопрос! – широко улыбнулся Баал. – Мы как раз сейчас подходим к самому интересному месту нашей беседы. Драго, прямо перед своей смертью, дал задание Валере воскресить сначала тебя, – показал пальцем на меня Баал. – Воскресить тебя с помощью слепка души, заключенного в клинке кукри, переданном тебе богиней Кали. И только после этого ты сам должен воскресить Драго.

– И это у меня, как понимаю, не получится.

– Нет. Даже более того: мой добрый друг и коллега Люцифер, я уверен, опять же совершенно случайно забыл Драго сказать еще кое-что. Дело в том, что если ты совершишь попытку воскрешения своего двойника Драго, воспользовавшись блоком сохранения его сознания, то Драго, та создав-

шая его личность часть твоей души, умрет окончательно. Как я тебе уже сказал, в пределах одного мира в одной ипостаси может существовать только одна душа. Место будет уже занято тобой. И если ты попробуешь воскресить Драго, если ты попробуешь вытянуть душу Драго в этот мир, где уже есть одна ипостась вашей души, душа Драго просто не сможет зацепиться за якорь тела. Ее вышвырнет прочь далеко-далеко за границу, и его самосознание отправится далеко-далеко.

– Куда?

– Не знаю, если честно. Скорее всего, туда, куда изначально и была отправлена низшим демоном, которая убила тебя в начале твоего пути.

– Так делать-то что?

– Ситуация для тебя, когда ты воскреснешь, именно ты, – еще раз показал мне пальцем в грудь Баал, – немного сложная. Дело в том, что Драго дал задание твоему доброму другу и коллеге Валере, а также приятной девушке Николетте попробовать воскресить его сразу после того, как ты, именно ты, вернешься к жизни с помощью Саманты. Так что если ты не вмешаешься, – Драго обречен. Но! Не все потеряно. Как совсем недавно объяснял для Драго мой добрый друг и коллега Астерот, Вселенная гораздо сложнее, чем представляемое тобой со слов других Колесо Миров. Это, скорее, Сфера миров. Которая не статична и которая постоянно в движении. Путь вернуться для Драго обратно есть – если ты из этого мира уйдешь. Да, я перехожу к самому главному: вос-

кресить Драго можно будет, если ты уйдешь в один из соседних миров. Причем у тебя в понимании есть ошибка классификации: Инферно, темный мир отражения, Лимб – это не иные миры. Это все планы одного, истинного мира Терры. И покинуть мир Терры в ближайшее время вариант всего один. Это отправиться в соседний мир, который ошибочно принят за один из планов-отражений мира Терры. Мир, который в течение тысячи лет был рядом, будет оставаться рядом, доступным к перемещению, еще совсем немного – пятнадцать лет. Это мир, который обнаружившие его недавно британцы называли...

– Альбион?

– Именно так. До момента же твоего возможного отбытия в Альбион, если ты из принцесс все же выберешь Саманту, а Саманта все же выберет тебя...

«Но ведь...» – мысленно возразил я.

– Но ведь что?

– Саманта...

– А ты уверен, что Саманта откажется от перспективы власти над всем миром ради путешествия в неизвестность?

Я помню, как и о чем мы говорили с Самантой. И помню ее жгучее желание подготовиться и отправиться по следам потерянной экспедиции своего отца.

Но то, что сказал сейчас Баал, крупницу сомнения зародило. Дорога в Альбион – дорога без возврата. А кроме желания Саманты отправиться по следам отца, я прекрасно пом-

ню и ее желание стать королевой.

– Если ты все же решишься променять гарантированный трон на неизведанный мир, дружеский совет: блок сохранения сознания Драго лучше не трогать. И еще тебе было бы неплохо собрать вместе все те артефакты, которые он создал с помощью собственной крови. Потому что артефакты на крови – опасная вещь, знаешь ли. С их помощью можно воздействовать и на тебя.

– Много таких артефактов?

– Два ножа и котенок. Один нож у Валеры, второй, как и котенок, у Николетты. Пока у Николетты.

– Котенок?

– Представь, да. Я тоже удивился, – странно улыбнулся Баал, но, видя мое недоумение, пояснил: – Видишь ли, я к этому немного причастен. Потому что котенка Драго подобрал во время того, как отряд кондотьеров герцога Сфорцы пытался его убить.

– Оу. И у них...

– Нет, кондотьеры не справились, к смерти Драго причастен совсем другой... человек, так скажем.

– Кто?

– Это уже из разряда вопросов, ответы на которые тебе лучше узнавать не от меня. Ты ведь слышал о равновесии? Я, конечно, могу тебе сказать кто, но за это знание ты заплатишь несоразмерно высокую цену.

Долгое время в зале царило молчание.

– Зачем? – поинтересовался я.

Баал сразу не ответил. Порывисто поднявшись, архидемон прошел к окну и вновь углубился в созерцание бескрайнего космоса. Ответил он лишь через несколько минут.

– Ты спрашиваешь, зачем это нужно мне?

– Да.

– Зачем я тебе сейчас все это рассказываю?

– Да.

– Видишь ли... Я уйду из этого мира. Какими бы ни были сильными участники игры, победитель всегда один. И в этом мире победитель – не я. Сегодня, здесь и сейчас, я последний раз нахожусь в этом обличье, – коротко глянул вниз Баал, намекая на нашивку-позывной Baal на своем мундире первого кондотьера. – Я уйду из этого мира навсегда. Но я тебе весьма признателен, потому что ты мне, как ни крути, очень сильно помог. Оказал, так сказать, просто неоценимую услугу.

– Я?

– Да-да, именно ты. Ты в ипостаси Артура и в ипостаси Драго, конечно же.

– Каким образом?

– Ты получил кровавые мечи, а Драго их разделил. Не говорю, что разделил навсегда – даже вечность имеет обыкновение заканчиваться. Но после его действий перспективы воссоединения мечей не видно ни мне, ни моим многочисленным дорогим друзьям и коллегам даже за самым далеким

горизонтом событий.

– Каким образом Драго их разделил? – поинтересовался я.

Если раньше слушал рассказ Баала с неуловимым чувством того, кому рассказывают о вчерашней шумной гулянке знакомых, то сейчас это чувство стало восприниматься серьезнее: похоже, за иллюзорные для меня похождения и поступки Драго прилететь от Николаева может неиллюзорно именно мне.

– Когда кондотьеры герцога Сфорцы пытались убить Драго, им удалось загнать его в ловушку. Единственный выход из которой он нашел, достав футляр с мечами из пространственного кармана и прорубив себе путь в темный мир отражения. После этого, получив возможность оперировать мечами, Драго решил оставить один из мечей лично себе, убрав его в пространственный карман. Второй же решил отдать Николаеву. Вот и все – мечи оказались разделены.

– Но ведь...

– Мечей не зря два. Один только проводит, второй только возвращает – во время пересечения границ они как два магнита с разными полюсами. С помощью одного меча ты сможешь попасть в Альбион, но вернуть он тебя обратно не сможет. Чтобы тебе легче было понять, считай, что один из мечей может двигаться по Колесу Миров в одном направлении, второй в другом. И из-за решения Драго мечи теперь разделены в любом варианте развития событий: один из них ведь сейчас спрятан в пространственном кармане, который со-

здал Драго. Спрятан в пространственном кармане, который может открыть только он и никто другой. Если ты решишь не следовать моему совету и попробуешь воскресить Драго, его душа исчезнет навсегда, как и доступ к мечу. Если же ты этого не сделаешь, то, когда ты отправишься в Альбион, воспользовавшись для перехода вторым мечом, результат будет тот же – вместе им больше не сойтись.

Несколько минут я потратил, осмысливая услышанное.

– И последнее, – произнес Баал, привлекая мое внимание. – Драго заключил с кровавым мечом соглашение.

– Уже интересно.

– Да, спасая с помощью меча жизнь подобранному котенку, он обещал мечу человеческую жизнь. Когда же меч обучал его открытию пространственных порталов, взамен Драго обещал ему жизнь сильного одаренного или силу крови в эквиваленте.

– Неожиданно.

– Со всеми бывает. Так вот, сроки твоего соглашения – с человеческой жизнью, – три недели. С одаренным ты договорился на срок в месяц. Не выполнять соглашение – не лучшее решение. Но...

Баал сделал паузу, в ходе которой я вспомнил все связанное с кровавыми мечами. И договорил уже сам:

– Но при этом второй меч испорчен, и на его восстановление уйдут месяцы, если не годы. Получается, что я не могу выполнить соглашение, которое заключил Драго?

– Можешь. У тебя впереди много интересного, и, взяв второй меч с собой на ближайшее мероприятие, на котором ждут Драго, ты сможешь закрыть оба соглашения. То, что меч испорчен, отнюдь не мешает ему поглощать чужую энергию, силу и чужие жизни. И оба меча, пока находятся в одном мире, неделимы – неважно, на каком расстоянии друг от друга находятся.

– Меч же предельно опасен для оператора, для его души... – вспомнил я, как мы чуть не убили Ольгу. – Как Драго вообще с ним договорился?

– Не догадался? – усмехнулся Баал.

– Протез?

– Именно. Правая рука Драго – бионическая. И когда Драго брал меч, тот просто не мог захватить контроль над его телом.

– А как я получу контроль над вторым...

– Артур.

– Да.

– Мы с тобой сейчас разговариваем о судьбах, в перспективе вечности, тысяч миров, а не о том, как тебе стоит решать элементарные проблемы. Придумаешь что-нибудь, в первый раз, что ли? Ладно, не буду больше задерживать. У тебя есть отмеренный Драго срок, за который ты можешь побыть наедине с самим собой и подумать над дальнейшими действиями. Счастливо оставаться, и... я не говорю «прощай», потому что даже вечность имеет обыкновение закан-

чиваться. Но в этом мире мы с тобой больше никогда не встретимся.

– А... – приподнимаясь, даже развел я руками.

– Да?

– Этот твой замок... он остается пустым?

– Хм, – замялся Баал.

– Я могу оставить здесь маяк и в случае чего вернуться сюда? – задал я весьма интересовавший меня вопрос.

– Можешь, конечно. Ты же проводник между мирами, если у тебя есть маяк или нужный инструмент, ты можешь перемещаться вне времени и пространства.

– И если что, я смогу переместиться сюда и в случае чего...

– Артур.

– Да.

– Ты все это можешь сделать. Но есть нюанс.

– Какой? – осторожно поинтересовался я.

– Это не мой замок, – улыбнулся архидемон дьявольской улыбкой и исчез.

Пропал, как будто его никогда здесь и не было.

«...!» – позвал я падшую женщину, наблюдая за пустым местом, где только что видел архидемона Баала, которого тут никогда не было.

Так мало ответов и так много вопросов – в том числе незадаанных.

Ладно, надеюсь, что хозяйева замка, пока я тут ожидаю ги-

бели Драго, не появятся.

Пора осмотреться и попробовать найти библиотеку – чтобы с пользой подождать, пока «я», Артур «Драго Младич», натворю дел в Занзибаре и откланяюсь из этого мира, открывая самому себе дорогу к возвращению.

– Это не мой замок, – раздался вдруг голос за спиной. Я при этом даже вздрогнул и выругался, едва не подпрыгнув от неожиданности.

Резко обернувшись, увидел Баала, которого здесь никогда не было и который по-прежнему стоял у бойницы с бокалом вина и наблюдал панораму бескрайнего космоса.

– Это не мой замок. А знаешь чей? – сощурился архидемон.

– Чей?

– Твой, – подарил мне еще одну дьявольскую улыбку архидемон. – Считаю, раз уж дело Восточного пакта оказалось проиграно, что я оставляю тебе ответственность за судьбу этого мира.

«Вот спасибо, добрый человек», – опередил меня с ответом внутренний голос.

– Прощай, король Артур, – улыбнулся архидемон Баал и исчез уже навсегда.

Глава 3

Больше месяца я уже находился в затерянной среди бескрайнего пространства звезд обители замка. В котором, кроме меня, так никого больше и не нашлось. Ни слуг, ни обитателей, ни даже привидений.

Если бы не прозрачный намек Баала на то, что ждать мне не больше трех месяцев, – не знаю, удалось ли бы мне сохранить душевное равновесие. Но даже и без этого случались моменты, когда непросто было сохранить спокойствие: среди окружающей безграничной пустоты, среди необъятной и громадной бездны пустого ничего, самосознание буквально грозило потеряться. Мне не за что было даже зацепиться в системе координат – на небосклоне не видно ни одного знакомого созвездия. Хотя, я это лукавлю – из знакомого на небе у меня только ковш Большой Медведицы и Млечный Путь. Но ни того ни другого я не наблюдал.

Впрочем, в моменты, когда не задумывался о конце вечности – находясь лицом к лицу перед началом бесконечности, я жил спокойно и размеренно. Много думал. Много читал и много спал. Немного, но вкусно кушал.

Проблема с доступом к еде хотя волновала меня поначалу, решилась довольно просто: стоило только захотеть и некоторым ментальным усилием сформировать желание. Чувство голода, кстати, напрочь отсутствовало – но получать насла-

ждение от еды я не отказывался. Мне и сон, в моем нынешнем состоянии, по ощущениям нужен не был, но... возможность была, чем и пользовался.

«Глядя в ленте соцсетей на то, как отдыхают мои знакомые – прыгают с парашютом, катаются на волнах или горнолыжных склонах, я всегда недоумеваю: неужели никто им не сказал, что выходные можно провести просто лежа на диване?» В общем, оказавшись в неожиданной одинокой ссылке, я отдыхал пусть не телом, но душой.

Мой новый замок оказался размеров немалых и представлял из себя нечто похожее на Крак-де-Шевалье в Сирии. Три ряда стен, поднимающихся уступами по склонам горы (астероида?), и, собственно, сам замок в центре. Только башни не квадратные, как в сирийской крепости крестоносцев, а в большинстве круглые.

Часто я гулял по широким стенам, а пару раз даже залезал на широкий парапет, смотрел в пустоту под ногами и думал, что будет, если мне туда прыгнуть. Претворять в жизнь идею эксперимента, конечно же, не стал. Тем более не стал, что клинок кукри меня покинул. Он, судя по всему, остался там – в алтарном зале усадьбы Юсуповых-Штейнберг.

Я мог видоизменять интерьеры замка. Мог мысленным усилием создавать накрытые столы с любыми, подвластными фантазиям яствами. Мог, подозреваю, даже создать цыганский ансамбль с медведями – мог, но не пытался. Что мне потом с этими цыганами и медведями делать? В общем, я

здесь, в своем новом замке, много что мог. А вот привычно заставить материализоваться в руке клинок кукри не мог.

Как отрезало.

Три раза «ха» – похоже, здесь в одиночестве я могу стать на путь эксперта в английском юморе.

Со стен я, конечно же, прыгать не стал, но от некоторых других экспериментов любознательного естествоиспытателя не удержался. Осторожных экспериментов. Понемногу, прилагая мысленные усилия, подобные тем, которыми заставлял появляться еду, видоизменял интерьер одной из башен под себя. Поначалу занимался аккуратной трансформацией – к примеру, убрал, как не было, вычурный балдахин над кроватью. Но понемногу стал действовать смелее и уже вскоре каждое утро начинал с купания в висящем над пустотой бассейне с полностью прозрачными стенками и дном.

Проснувшись, рыбкой нырнуть из окна (предварительно глянув и удостоверившись, что не исчез бассейн), открыть в воде глаза и наблюдать снизу бездну космоса – это было прекрасно. Ну а после подолгу лежать на спине, смотреть на звезды и пытаться осознать масштабы одной личности перед лицом одной вечности.

Щекочущее нервы времяпрепровождение, надо сказать. Был бы поумнее или обладал складом ума как у когорты немецких философов, вполне мог бы получить проблемы с собственной крышей. Но, к счастью, я не очень умный и к когорте немецких философов не отношусь, так что перспек-

тивы заканчивать как дедушки Ницше или Фрейд абсолютно не имел.

Кроме аккуратных экспериментов с сознанием и интерьером, я много читал – библиотека в замке, как и обещал Бал, оказалась по-настоящему богатой. Так что за отведенное мне время я буквально впитывал мудрость (и глупость) прошлых поколений.

В одно прекрасное утро... а утром я называл тот момент времени, когда просыпался и вставал с кровати, я соскочил с высокого ложа и, пройдя на террасу, уже привычно нырнул в бассейн. Прыжок неожиданно получился смазанным – я словно поскользнулся. И уже в полете правую руку потянуло в сторону, как будто кто-то невидимый меня за нее мягко ухватил. Когда я, подняв кучу брызг, оказался под водой, даже особо ни удивиться, ни испугаться не успел: меня вдруг затянуло водоворотом, размывая ощущение времени и реальности вокруг.

На пару мгновений ощущение тела пропало, но практически сразу вернулось приятной тяжестью. Я вновь находился под водой; вот только нырял только что я, глядя на звезды снизу, видимые через прозрачное дно бассейна. Сейчас же я лежал на спине, сквозь оранжевую пелену глядя в потолок с искусной резьбой. И концентрировались мои ощущения на том, что в правой руке я крепко сжимаю клинок кукри – от которого за время в замке успел отвыкнуть.

«Я дома».

Дома и в полной, так скажем, комплектации – с непередаваемым наслаждением облегчения (все же был страх навсегда потерять клинок) крепче сжал я рукоять кукри. На краткий миг сжал, а после выпустил, разрешая разматериализоваться. Потому что с острым изогнутым клинком вылезать из чаши бассейна алтаря, предполагаю, будет все же не очень удобно.

Глаза у меня по-прежнему были распахнуты. Чистая энергия, в которой я плавал, была оранжевого цвета – как жидкое пламя. Но мне не доставляла никаких неудобств, более того – кожу обволакивала приятная прохлада. Несколько секунд, наверное даже около десятка, я просто лежал и наслаждался. Да, здесь, среди чистой энергии, можно было дышать – безо всяких неудобств.

Я бы никуда не уходил – так бы лежал и лежал здесь. Если бы не понимание того, что сейчас рядом с алтарем находятся те, кто меня ждет.

Потянувшись, я схватился руками за края бассейна и появился на поверхности. Краем глаза отметив, что на пальце у меня материализовался личный перстень одаренного – с красно-оранжевой печаткой Ольденбургского Дома.

Не просто полная, а максимально полная комплектация по возвращении.

И, едва появившись на поверхности, сразу увидел перед алтарем Саманту.

Принцесса была в черно-красном обтягивающем комби-

незоне боевого мага. Вернее – тут я удивился, в черно-красном костюме службы безопасности княжеского рода. Без шуток, с гербом Юсуповых-Штейнберг на груди – со знаком Огня-под-Горой.

Улыбнувшись и подмигнув взволнованной Саманте, отметил, что обтягивающая черная униформа с красной окантовкой воротника и наплечников легкой брони ей удивительно идет.

За спиной принцессы расположились Ира и Ада. Также в черно-красных комбинезонах. И все три сейчас мало того, что выглядят как сестры, так еще удивительно походят на охотниц на джедаев из имперской инквизиции: одинаковые обтягивающие костюмы черно-красной расцветки, смуглая кожа, иссиня-черные волосы, собранные в длинные тугие хвосты.

В накрывшей зал полутьме, разбавленной лишь оранжевыми огненными всполохами, так похожие на сестер девушки сейчас отличались только глазами. Удивительные, просто невероятные голубые глаза Саманты, по яркости соперничающие с чистым летним небом, как будто сияли в полумраке, причем даже без отсвета стихийной силы; а у расположившихся за ее спиной Иры и Ады хищные звериные глаза с вертикальными зрачками поблескивали желтым отсветом. И все три насторожены, как будто к схватке готовятся.

Насторожены, но не напряжены – отметил я.

Время для меня сейчас тянулось невероятно медленно.

Даже без скольжения – просто вернувшись в реальное течение времени реального мира, я наслаждался каждой секундой полноценного существования. И с искренним наслаждением любовался красотой Саманты.

Она это почувствовала – во взгляде принцессы, когда она шагнула вперед и едва коснулась моей руки, заплясали отблески пламени... во влажных глазах заплясали. Правда, встретила меня принцесса молча, с едва заметной сдержанной улыбкой.

Но слова были не нужны – весь спектр искренних эмоций я прочитал в ее взгляде.

– My lord, – донельзя официальным тоном произнесла Саманта.

Так. А вот этот официальный тон – уже неожиданно.

Причина сдержанности Саманты обнаружилась за ее спиной – подтянувшись, чтобы выбраться из алтаря, на границе Стихийного Круга я заметил целую делегацию. Четыре человека: полковник Николаев, сэр Галлахер и еще двое – неизвестный мне военный в форме бригадного генерала Армии Конфедерации и чиновник в гражданском партикулярном платье. Может быть, я их даже и знаю, но стоят они у самой стены, лиц толком не разглядеть.

«Сейчас может стать жарко?» – настороженно поинтересовался я у Саманты.

«Не должно», – просто ответила она, сжав мою руку. Несмотря на вроде бы ее относительное спокойствие, видно,

что принцесса максимально сосредоточенна.

Ну, здравствуй, старый-новый мир.

Как все привычно – вокруг происходит что-то важное, а вот что, я не очень понимаю.

Но сейчас, в отличие от прошлых заходов, я хотя бы могу задавать вопросы и получать на них ответы. Не всегда, правда, на это времени хватает – вон Баал тот же ретировался так внезапно, что я и сотой части волнующих меня вещей у него не узнал.

Саманта между тем взглядом показала мне выбирать. В руках она, как я только сейчас заметил, держала подбитый горностаевым мехом плащ. Который и накинула мне на плечи, когда, рывком выбравшись из алтаря, я спрыгнул на ведущую из Круга Стихий дорожку.

Получилось эффектно – весь Круг Стихий при моем появлении полыхнул пламенем, прошедшимся по всему периметру и яркой вспышкой завершившимся на обелиске Огня.

Круз Стихий полыхнул вспышкой настолько яркой, что сэр Галлахер, вместе с Николаевым стоявший рядом с обелиском, даже отшатнулся. Неизвестный мне военный и неизвестный мне чиновник стояли много дальше, но и они закрыли лица руками. И правильно, нечего тут жалом водить – колыхнулось у меня внутри раздражение.

Не отреагировал на огненную вспышку лишь Николаев – ну еще бы, он сам меня обращаться с этой стихией учил. И едва Огонь спал, полковник прошел по широкой каменной

дорожке от огненного обелиска к алтарю.

Протянув руку, он со мной поздоровался, после чего обернулся и, посмотрев сначала на сэра Галлахера, а после на двух незнакомцев, утвердительно им всем кивнул. Все трое, соблюдая нормы вежливости, короткими полупоклонами засвидетельствовали мне свое почтение и без задержек покинули зал.

Когда они выходили, ни Саманта, ни Николаев не проронили ни слова. Когда уходящие господа исчезли из вида на ведущей вверх лестнице, я повернулся к Николаеву.

– А это, вообще, кто? – негромко поинтересовался я.

– Это – сэр Уильям Джон Галлахер, профессор физики и астрономии университета Глазго, если ты не в курсе.

Похоже, Николаев начал меня атаковать моим же оружием. В принципе, я его понимаю – если бы у меня был на попечении подобный кадр, я бы его давно посадил в клетку, как жирафу. А он все же сколько терпел – только сейчас сарказмом жалить меня начал.

– Я про двух других господ. Они, к сожалению, мне неизвестны.

– Ты их не узнал?

Я их что, в лицо должен знать? Получается, так. Но лицо я и не видел. Не рассматривал, вернее, – мое внимание больше Саманта занимала.

– Нет.

– Так. Это точно ты? – сдержанно поинтересовался Нико-

лаев.

– Да они в тени стояли, лиц не видно, – пожал я плечами.

– Двое других господ – это бригадный генерал князь Александр Васильевич Кузнецов и граф Игорь Анатольевич Игнатьев, – также негромко ответил Николаев.

– В честь чего они здесь?

– Александр Васильевич и Игорь Анатольевич – доверенные лица его императорского величества. Сэр Галлахер – посланник его королевского величества Георга. Все они здесь, чтобы засвидетельствовать, что ты – это ты.

– Даже так.

– А ты как хотел?

– Да у меня, если честно, даже времени сформулировать собственные желания не было, – кивнул я отстраненно и повернулся к Саманте.

– My lady.

«Я очень скучал».

– My lord, – наконец искренне улыбнулась принцесса, обнимая меня.

«А уж я как скучала», – услышал я шепот мыслеречи. Горячий шепот, в отличие от показательной сдержанности.

Отвечать я не стал, даже мысленно. Просто крепко прижал девушку к себе на пару мгновений.

– Артур, – сдержанно обратил на себя внимание Николаев.

– Сергей Александрович.

– Нам нужно очень серьезно поговорить.

Конечно нужно, ну еще бы – мысленно хмыкнул я. После всего того, что «я» натворил на Занзибаре, поговорить – это самое малое, предполагаю, что всем от «меня» будет нужно.

И особую перчинку разговору придает то обстоятельство, что все, кроме Саманты, предполагаю, думают, что Драго Младич – это я. Кроме Саманты и Валеры, если держать в уме слова Баала.

– Жду тебя наверху, – коротко сказал Николаев и направился к лестнице.

Ждать нас здесь он не стал. Мы же задержались, потому что я облачался в заранее подготовленную Самантой черно-красную форму. И когда повел плечами, проверяя настройку костюма, подумал про себя, что и я теперь выгляжу как падший рыцарь-джедай в окружении сестер инквизиции.

– Идем? – посмотрела на меня Саманта.

«Секунду», – взглядом ответил я.

Не удержался, проверил – поднял руку, заставив клинок кукри материализоваться в ладони. Контрольно проверил – все же долгое время без возможности обращаться к клинку, который стал неотъемлемой моей частью, мне было очень некомфортно. Существовал в замке я, как будто части тела лишился.

Как будто, да – хмыкнул я. Потерял связь с кукри, вот как отрезали.

Основной и самый главный секрет юмора английских шу-

ток состоит в том, что это совсем не шутки. Когда это понимаешь, начинаешь понимать и английский юмор.

Между тем, когда я приподнял кукри, рассматривая его на свету Огня на верхушке обелиска, последовала неожиданная реакция индианок.

– Jai Mahakali, – моментально отреагировали возгласом в унисон Ира и Ада.

И обе, также одновременно, преклонили колени.

Неожиданно.

Хотя, может быть, потому, что я сам с богиней Кали, так скажем, вместе работал и даже общался как с коллегой, такого пиетета у меня перед ней нет.

Богиня и богиня, вместе демонов убиваем.

Но преклонение Иры и Ады понять, наверное, я все же могу. Люди этого мира, в котором есть магия, обычных одаренных иногда за всю жизнь ни разу не встречают, а тут эхо воли богини постоянно рядом со мной слышится. И с этой точки зрения реакция Иры и Ады, так меня удивившая, во-все не выглядит необычной.

Обе индианки, кстати, как я только сейчас почувствовал, находились на грани истинного мира. В любой момент будучи готовыми перекинуться в астральную форму черных пантер. Поэтому, наверное, и реакция такая – все же клинок кукри, который стал частью меня, – личный дар богини, и в их пограничном состоянии его аура ощущается особенно ярко.

Отпустив разматериализовавшийся клинок, я вопросительно посмотрел на Саманту. Она мое удивление насчет пограничного состояния Иры и Ады поняла и неопределенно пожала плечами – мол, готовность на всякий случай.

По идее, правильно. Если здесь аж трое доверенных лиц от короля и императора, с каждым из них группа поддержки и сопровождения, черт знает, что может произойти. Саму Саманту, помнится, офицер конвоя убить пытался – максимально проверенный, казалось бы, человек.

В общем, сейчас к неожиданностям Саманта подготовилась, но пока ничего неординарного, к счастью, не происходило. Из алтарного зала мы с ней вышли держась за руки. Принцесса, как и перед ритуалом, крепко держала меня, словно не хотела отпускать. И еще она хотела что-то спросить, но не решалась.

«Ты была права. Я – тот Артур Волков, который пришел сюда сразу после бала. Меня не было на Занзибаре», – ответил я, не дожидаясь вопроса.

Саманта глубоко вздохнула и еще крепче сжала мою руку.

«Для тебя время уложилось в один миг?»

«Нет, я четко по таймеру все это время прожил. Каждый день», – вздохнул я.

«Как?»

«Долгая история, не в двух словах. Чуть позже», – это я сказал ей мысленно, уже выходя в собственный кабинет.

«Что за долгая история?» – услышал я знакомый голос и

сразу попал в объятия Эльвиры.

Царевна в отличие от Саманты не сдерживалась, встретила прямо на пороге. Крепко обняв и поцеловав, после подмигнув ободряюще, Эльвира шагнула в сторону, давая мне возможность пройти к столу, за которым уже расположился Николаев.

Но сразу отойти я Эльвире не дал, придержал ее за руку. И невольно царевну оглядел, не скрывая удивления, – она была в мундире Министерства Иностранных дел Российской Конфедерации. На груди нашивка: «Эльвира Зарипова». И эта нашивка значит, что на государственной службе Эльвира сейчас числится не под настоящим своим именем, как сибирская царевна Амира, а в своей прежней маске гимназистки – как мешчанка Эльвира Зарипова.

В похожем ведомственном мундире дипломатического корпуса, только генеральском, я однажды видел Ольгу – с погонами действительного статского советника. Мундир Эльвиры выглядит попроще – без золотых имперских вензелей, да и погоны «всего лишь» надворного советника. Вот только серебряные с красным погоны и мундир Эльвиры вида, характерного для чиновников посольств и миссий заграничных, а не расположенных в границах Конфедерации.

«А где Валера?» – мысленно спросил я Эльвиру.

«На Занзибаре», – ответила она.

Мда. Если он все еще на Занзибаре, удивительно, как остров вообще пока стоит. И если Валера еще на Занзибаре, то и

мундир чиновника иностранной миссии на Эльвире неспроста – явно они что-то за...

– Артур, у нас мало времени, – очень, вот просто очень спокойно произнес Николаев, явно меня поторапливая.

– Да-да, я уже с вами, – отвлекся я от мундира Эльвиры и развернулся к столу. Но тут вдруг как споткнулся, почувствовав на себе еще один взгляд. Резко обернувшись, встретился глазами со своим ангелом-хранителем – принцессой Елизаветой.

Удивительное дело – если бы она не захотела, я бы ее сейчас и не заметил, и не почувствовал. Похоже, по своим возможностям Елизавета уже превосходит большинство менталистов этого мира.

И еще похоже, что у тех, кто отправил ее в темный мир, корячатся большие проблемы – улыбнулся я сам себе и своим мыслям. И в два шага оказался рядом с ней.

– Ваше высочество, – поцеловал я руку Елизаветы.

Мой ангел-хранитель, единственная из здесь и сейчас присутствующих, была не в мундире. И в отличие от остальных, собранных, настороженных и готовых ко всему, Елизавета выглядела легкой и воздушной. И самой нарядной – в легком и светлом платье. Нарядной и удивительно для своего возраста юной – проведенные в темном мире отражения пятнадцать лет на ее внешности не отразились. А вот проведенные в реальном мире и в реальном теле два месяца жизни – вполне отразились. В лучшую сторону.

– С возвращением, Артур, – в ответ на приветствие Елизавета тепло мне улыбнулась. И сразу показала взглядом на Николаева. Явно намекая, что пора бы перейти к серьезному обсуждению.

Кивнув Елизавете, я повернулся к полковнику. И только сейчас заметил прислоненный рядом с ним к стене потрепанного вида, но все же крепкий футляр от виолончели.

Знакомая штука.

Николаев, кстати, уже показывал раздражение. Чуть-чуть, едва заметно, но я чувствовал, что он, как бы это помягче... немного напряжен. Я уже видел его в таком состоянии – чуть позже того, как он громко и нецензурно ругался. Было это один-единственный раз, когда мы с ним находились в госпитале рядом с Ольгой, которую чуть не убили.

Вот даже дьявольского предчувствия не нужно – чувствую, что, если постараюсь, могу увидеть и услышать во второй раз, как громко, на немецком (а он на этом языке высказывает эмоции) полковник ругается.

Могу, но стараться и экспериментировать я, конечно же, не буду.

Быстро пройдя к столу («секунду, Сергей Александрович»), я открыл управленческое меню и посмотрел статус отряда и службы безопасности. Измайлов был здесь, в усадьбе. И здесь же, на позициях, почти сотня бойцов отряда варлорда Артура Волкова.

На всякий, как я понимаю, случай.

Народа в усадьбе только что было больше – но и бригадный генерал князь Кузнецов, и граф Игнатьев, и сэр Галлахер, вместе с сопровождающими эскорта, усадьбу уже покинули или покидали.

Хорошо я здесь отсутствовал во время их прибытия – представляю, как атмосфера была наэлектризована.

Закусив губу, я задумался. В кабинете здесь и сейчас Николаев, Елизавета, Эльвира, Саманта и индианки. Все те, кому, по идее, я могу доверять. Поэтому, без долгих колебаний, я все же вызвал Измайлова. Штабс-капитан появился практически сразу – как за дверью ждал.

– Сергей Юрьевич, добрый день. Мне нужен закрытый канал связи с Валерием Медведевым, который сейчас находится на острове Занзибар.

Несмотря на удивленные взгляды присутствующих – от меня просто не ожидали такого начала беседы, пояснять я пока ничего не стал.

Канал связи с Валерой получил практически сразу – меньше чем через полминуты уже наблюдал его масштабную проекцию. Принц оказался в бронекостюме – черно-красной, как и у меня сейчас, расцветки. В бронекостюме с довольно странной к восприятию, но узнаваемой эмблемой на груди – предполагаю, с эмблемой отряда варлорда Драго Младича.

Мда, неплохо, похоже, я (Драго) на Занзибаре погулял, если еще один отряд варлорда создал. И, как обычно, с фантазией я (Драго) сильно не парился – если первому своему

отряду, варлорда Волкова, склепал эмблему Старков, то второму – отряду варлорда Младича, заимствовал эмблему Таргариенов. Интересно только, почему не Ланнистеров? Они мне всегда были более симпатичны, чем Таргариены.

Думал обо всем этом я, пока Валера приветствовал всех собравшихся. Всех, кого видел, – Эльвира, как будто специально, расположилась вне поля его зрения.

Ладно, вопросов много, ответов мало – но оперативной информации никогда и не бывает достаточно. Вернее, бывает, но лишь в одном случае – только у победителей и только постфактум после сражения, вернее, даже после кропотливой работы аналитиков или историков.

Пора собирать мысли и действия в кучу.

– Валера.

– Артур. Рад тебя видеть, – слово «тебя» Валера едва заметно выделил интонацией.

Николаев этого или не заметил, или не обратил внимания. Саманта заметила и все поняла. Эльвира заметила, но ничего не поняла – чему очень удивилась.

Реакцию Елизаветы я не понял. Не мой уровень. Измайлов же, который так и остался в кабинете, вообще не одаренный. И ему эмоциональные импульсы, последняя ступень перед мыслеречью, недоступны.

«Но пасаран», – вместо комментария лишь приподнял я в ответ на намек Валеры сжатый кулак.

– Валер, ты ведь знаешь такую сеньориту, известную как

Николетта Агилар?

«Николетта Агилар?» – прочитал я немой вопрос в блеснувшем взгляде Саманты.

Валера моему вопросу не особо удивился. Из рассказа Бабала я понял, что он знает о разделении ипостасей души, о разделении меня и Драго. И Валера знает, что я – не Драго. Но не удивился он моему вопросу, предполагаю, потому, что подумал, что меня уже просветили о похождениях Драго.

Да и вообще никто здесь моему вопросу не удивился. Кроме Саманты.

Остальные, как я и думал, и чему теперь получил подтверждение, считают, что я – тот самый Артур «Драго Младич», что буквально вчера фестивалил на Занзибаре. И спрашивать меня сейчас Николаев хочет, как будто это я все там наворачивал и как будто я сейчас при памяти.

– Николетта Агилар? – уточнил Валера, как будто не слышал.

– Да.

– Встречал пару раз, – осторожно ответил он.

Прежде чем задать вопрос, я глубоко вдохнул. И выдохнул.

Ну, погнали наши городских.

– У Николетты Агилар, как предполагаю, сейчас находится ключ к воскрешению нашего с тобой общего знакомого Артура – Драго Младича. Блок сохранения его сознания, гарантирующий ему цифровое, если так можно выразиться,

бессмертие. Так?

Теперь уже, если сказать помягче, кр-райне удивились абсолютно все. И Саманта тоже – потому что она сейчас пыталась понять, откуда я вообще могу это знать.

Остальные же просто пытались осознать смысл того, что я сказал.

Все, кроме Елизаветы, конечно же, – она совершенно расслабленно устроилась на краю стола рядом с Николаевым. И задумчиво, с легкой мечтательной улыбкой, рассматривала свой неброский французский маникюр.

– Нет, – покачал головой Валера, остающийся среди всех нас, если не считать Елизавету, Иру и Аду, невозмутимым участником беседы. – Наш с тобой общий знакомый Драго Младич умер в темном мире отражения, и блок сохранения сознания Драго сейчас находится там.

– Ты не забрал?

– У меня, видишь ли, не получилось. Потому что этот парень, как его там... Драго, да? Обстоятельства сложились так, что перед смертью он буквально выпнул меня в истинный мир, я даже мяукнуть не успел.

– А ты умеешь?

Валера только вздохнул.

«Варвар», – прочитал я по его губам.

– Блок, если что, в темном мире охраняет полуэскадрон бессмертных гусар, напротив их десантный корабль на рейде стоит. Это чтобы ты не волновался, – вслух произнес Валера.

– Ладно, Валер, я все понял, спасибо. В общем, что я хотел сказать, важное: если вдруг появится возможность того парня, как его... Драго, да? Если появится возможность его воскресить, без меня этого делать ни в коем случае не стоит.

– Ты когда в наши края?

– Как только, так сразу, – ответил я и едва-едва кивнул в сторону Николаева, которого Валера тоже видел.

– Сергей Александрович, – кивнул Николаеву Валера. Вежливо попрощавшись со всеми, мне он только помахал карикатурно и отключился.

Я же обернулся к остальным.

Надо скорее занять их умы, а то, похоже, сейчас могут начаться неприятности. Николаев, который пока не совсем понимает, что происходит, готов для начала прибить меня за проделки с разделенными мечами; Саманта, глаза которой при упоминании Николетты Агилар опасно блеснули, тоже смотрит очень вопросительно и опасно.

В общем, не очень приятно сталкиваться со своими делами, которые недавно натворил, когда еще не помнишь точно, что конкретно натворил. И пусть даже творил все это не я, а Драго, избежать ответственности не прокатит.

Потому что Драго – это ведь, по сути, я. Иная версия просто.

– Простите за столь сумбурное начало, но мне необходимо вам всем кое-что объяснить.

– Уж пожалуйста, сделай одолжение, – с показательным

спокойствием произнес Николаев.

– Как вы, наверное, уже начали понимать, в момент разделения физического тела и слепка души, во время проведенного нами с Самантой ритуала, моя душа разделилась на две ипостаси. Я, вот этот вот я, – похлопал я себя по груди, – остался здесь, в пределах... алтаря, так скажем. Вторая часть моей души, вторая моя личность, давайте для удобства будем называть ее Драго Младич, отправилась на Занзибар. Ко всему, что он там... ко всем его действиям там, на острове, я, лично я, – снова для убедительности положил я себе руку на грудь, – не имею никакого отношения.

– Откуда столь неожиданные познания? – поинтересовалась Саманта.

– Меня, пока я болтался в пустоте небытия, навестил... навестила высшая сущность, так скажем. И поставила в известность о некоторых деталях произошедшего за время моего отсутствия, – просто ответил я, при этом озадачив всех присутствующих еще больше.

– О некоторых деталях? – произнес Николаев.

Вопрос о высшей сущности он задавать не стал. И никто бы задавать не стал – потому что здесь все (кроме Измайлова) одаренные и понимают, что есть вопросы, которые нельзя задавать.

– О некоторых деталях, да. Основные моменты, так скажем. О том, что в Занзибаре Драго Младич стал оперативником Некромикона, к примеру. О том, что во время напа-

дения кондотьеров Сфорцы Драго забрал кровавые мечи из тайника, оставив себе один. И о том, что Драго догадался, что в случае смерти воскресить здесь получится меня – Артура Волкова, осознающего себя на момент окончания бала дебютанток. Он же, Драго, если погибнет, то окончательно умрет – ипостась его души просто исчезнет. И, понимая это, Драго приобрел себе цифровое бессмертие, в сотрудничестве с корпоратами получив себе блок сохранения сознания.

Еще я узнал, что Драго планировал свое воскрешение сразу после меня. Для того чтобы занять высокое место в корпорации. Планировал он сделать это в то время, как я, вот этот вот я, прежний Артур Волков, вернусь в привычную среду сословия одаренных. И, самое главное, я узнал еще кое-что. То, о чем не знал Драго: в одном отдельно взятом мире есть место только для одной ипостаси души. И, если сейчас попробовать воскресить Драго, используя его блок сохранения сознания, то он умрет навсегда и бесповоротно. Его душа просто исчезнет, растворившись, – потому что место сейчас уже занято. Мною. У него просто не будет якоря, за который он сможет зацепиться.

Услышанное – если брать информацию в комплексе, подействовало на всех как удар пыльным мешком. На всех, кроме Елизаветы, – она, похоже, если не знала обо всем этом, то как минимум близко догадывалась. А во время моих слов о том, что в случае попытки воскрешения Драго умрет, Ели-

завета и вовсе согласно кивнула. По-прежнему не поднимая глаз, рассматривая свой неброский французский маникюр.

– Так что, если вдруг есть какие вопросы по поводу вот этого вот, – кивнул я на футляр от виолончели в углу, – то, простите великодушно, это не я. Сам, как говорится... удивлен чрезмерно.

Николаев, обдумав мои слова, лишь покачал головой.

– Как хорошо, что обо всем этом не слышали те, кто при-
был проконтролировать твоё возвращение.

– Ну, я не совсем, так скажем, авантюрная личность, что-
бы рассказывать все это при них, – пожал я плечами.

– Насчет авантюрной личности я, как бы это помягче ска-
зать... поспорил бы, – хмыкнул Николаев.

– Здесь только второй меч? – поинтересовался я. – Пер-
вый, целый, Драго убрал в пространственный карман?

– Да.

Ну, удивлять так удивлять.

– Мне этот меч нужен.

Мои слова повисли в сгустившемся воздухе.

– Меч ты, в ближайшее время по крайней мере, не по-
лучишь. И так ты уже дел наворотил, двум поколениям не
разобраться...

«Интересно, почему двум?»

– ...но мне все же хотелось бы узнать. Зачем тебе меч? –
вкрадчиво закончил Николаев.

– Драго, во время бегства от кондотьеров Сфорцы, заклю-

чил с первым мечом сделку на крови. И чтобы душу Драго не выставили за невыполнение контракта – в котором есть строго оговоренные сроки, мне нужен этот второй меч.

Николаев глубоко, сквозь сжатые губы вздохнул. И, видимо сосчитав до десяти, медленно-медленно выдохнул.

– Какие еще пожелания?

– В идеале подогнать бригаду морпехов, а лучше вообще экспедиционный корпус, к восточноафриканскому побережью, как будто для учений. Потому что в ближайшее время там станет жарко.

– Уже, – просто кивнул Николаев. – Там сейчас, куда ни ткни пальцем в глобус, авианосную группу или на худой конец оперативную эскадру обнаружишь чью-нибудь.

– Оу. Даже так?

– Даже так.

– То есть, если я скажу, что в ближайшее время на Занзибаре планируется первая корпоративная война, настолько жесткая, что весь Занзибар в труху, сюрпризом для вас это не станет?

– Знаешь, в Конфедерации есть такая служба – внешней разведки. Тебе не рассказывали?

«Хм, да и действительно, чего это я».

– Простите, был неправ.

– Остров сейчас в фокусе внимания всей Большой Четверки. Но никто не вмешивается и не собирается – все просто смотрят.

– Делать шоу предстоит корпорациям?

– Делать шоу... – закусив губу, покачал головой Николаев. – Да, можно сказать и так.

– Не сочтите за наглость, но я бы, прежде чем перейти к серьезному обсуждению, послушал бы детальную конкретику. Что именно за последнее время этот парень, Драго, там натворил на острове. Я ведь лишь поверхностно в курсе событий.

Николаев вдруг выдохнул и закрыл лицо руками, явно сдерживаясь. Видимо, я по больному ударил. Елизавета же, совершенно для меня неожиданно, вдруг успокаивающе взяла его за руку. Глядя на меня, Елизавета сделала страшные глаза.

«А я что, а я ничего», – разведя руками, ответил я своей ангел-хранительнице взглядом.

– Сергей, давай ты, – отняв руки от лица, посмотрел Николаев на Измайлова. – А то, если я начну говорить, не гарантирую сохранности куртуазного духа беседы.

Измайлов некоторым усилием сдержал усмешку и рассказал. Кратко, но при этом емко и весьма подробно, не упуская даже мельчайших деталей. Слушал о похождениях Драго я, конечно, с интересом. Но, в принципе, ничем особым Измайлов меня не удивил.

Ну, пришел, ну, увидел и даже почти победил. Умер, конечно, в финале, но по статистике каждый, кто отказывается от темных искусств, умирает в течение максимум девяноста

дней.

Драго еще долго продержался.

Сюрпризом в услышанном явилось лишь то, что Елизавета смогла наладить прямую связь с темным миром отражения. Как оказалось, с недавнего времени она, при выходе в астрал, теперь могла общаться с некоторыми штампами из бессмертных брауншвейгских гусар. Об этом, когда Измайлов закончил, рассказала мне сама Елизавета.

И вот этот вопрос сейчас, в процессе обсуждения, довольно остро встал на повестке. Потому что, проанализировав персоны штампов, с которыми Елизавета получила возможность общаться, комиссия в лице Ольги, Николаева и Елизаветы пришла к выводу, что все они – из нашего эскорта. Из того самого последнего эскорта, который сопровождал и провожал нас троих – Елизавету, Ольгу и меня, когда мы покидали темный мир отражения через Место Силы в Лиинахамари.

– Ты тогда, когда Сергей Александрович открыл нам ворота, уходил из мира отражения последним, – подытоживая рассказ, полувопросительно произнесла Елизавета.

– Мм... да, было такое, – вспомнил я обстоятельства, которые привели нас с Ольгой в темный мир к Елизавете, и как мы все вместе из темного мира отражения потом выходили.

– Естественно, у нас возник вопрос. Прежде чем покинуть темный мир, ты ничего такого не делал, что могло бы послужить возникновению так неожиданно образовавшейся свя-

зи?

– Ничего такого, – сделал я акцент на этих словах, – если вы подразумеваете кровавые ритуалы или иную дичь, я не делал.

«Дичь!» – взглядом отреагировал Николаев. И судя по тому, как он смотрел, он хотел сказать, что немалая часть моих действий и есть, собственно, такая дичь.

Понимаю. Без иронии. Понимаю и сочувствую. Но что поделать – непростые времена и изменчивые обстоятельства требует непростых решений. И не всегда они, эти решения, при здравом размышлении кажутся рациональными. Особенно это чувствуется в оценке, если в моменты принятия этих решений время сильно поджимало.

Хотя... может быть, Николаев мне просто завидует. Он ведь человек такой – если что-то делает, то делает это серьезно и обстоятельно, предусматривая каждую мелочь. Чему завидует? Тому, что не повезло ему, нет у него таланта кризисного управленца. Так что приходится ему сразу набело все планировать, стараясь учитывать все нюансы. А так, как я, решить вдруг возникший ворох проблем в сжатые сроки и используя ограниченный...

«Завидует?!» – вдруг услышал я.

Саманта, сразу после того как мысленно обратилась ко мне, не удержалась и хмыкнула. После нее не смогла сохранить бесстрастный вид и Эльвира, отвернувшись, – плечи царевны подрагивали от сдерживаемого смеха. Даже Елиза-

вета, как ни старалась, все же улыбнулась.

Так, я что, думал слишком громко?

Похоже на то.

Судя по реакции Саманты, Елизаветы и Эльвиры, они мои мысли слышали. Мда, я все же забыл, с кем имею дело, – все три обладают выдающимися ментальными способностями.

Судя по реакции Николаева – который удивленно осматривал всех трех, в чем дело, он не понял.

– Артур, – отвлекая внимание полковника и по-прежнему с трудом сдерживая наползающую улыбку, обратилась ко мне Елизавета. – Попробуй, пожалуйста, вспомнить. Понятно, что с твоей стороны тогда, в темном мире, не было никаких ритуалов. Но, может быть, имело место что-то иное, менее... экспрессивное?

Задумавшись, я честно начал вспоминать по хронологии.

Если бы не моя способность феноменальной памяти, я бы точно ничего не вспомнил – потому что выход из темного мира пришелся как раз в промежуток на убийство цесаревича и подготовку к участию в балу дебютанток. Куда уж тут помнить подробности банального для меня перехода между мирами.

Но способность «обращаться к архиву воспоминаний» после возвращения, как ее недавно назвала Елизавета, по-прежнему со мной. Поэтому, раскладывая в памяти события, я вспомнил, как сначала Ольга, а потом Елизавета покинули темный мир и как я остался один. И почему-то я то-

гда, не знаю даже почему, пересек границу не сразу.

Что-то меня остановило – и прежде чем покинуть темный мир, я попрощался со всеми бессмертными штампами. При чем попрощался как с обычными людьми. Все, вспомнил – я тогда обошел всех штампов эскорта, пожал каждому руку и нашел для каждого прощальные слова.

Воспоминания именно об этом как-то стерлись на фоне другого события – ведь буквально через минуту я оказался в истинном мире и увидел тело великого князя Николая Константиновича. Это как-то затмило – ведь не каждый день видишь великого князя, которого в ходе кровавого ритуала приносят в жертву.

Когда я рассказал о моем прощании со штампами, Николаев и Эльвира недоуменно переглянулись.

– Ладно, кто виноват – мы выяснили. Давайте решать, что делать, – произнесла Елизавета.

– Кац предлагает сдать, – негромко произнес я.

«Что?» – не понял меня никто из присутствующих.

– Я бы, честно, предпочел отойти от дел. Нам свадьбу надо готовить, – чуть сжал я руку рядом сидящей Саманты. – Нужно выбрать наряды и составить список гостей, определиться с медовым месяцем. Лично я предпочитаю вариант круиза, но... Сэми, так как?

– По южным морям? – так волнующими удивительными голубыми глазами, ярко выделяющимися на фоне смуглой кожи, посмотрела на меня Саманта.

– Может, вообще кругосветный? Океанская яхта, только мы с тобой вдвоем...

«Да что ты такое несешь?!» – даже чуть было не потерял невозмутимость Николаев.

Ну а что я такое несу? Если мне меч второй не отдадут, что мне еще делать, как не в круиз отправиться?

– Это первый вариант, – пожал я плечами. – Есть и второй: Драго Младича уже завтра вечером ждут в замке сэра Джона Холдена. В замке, который, как я понял из вашего рассказа, является форпостом мертвого мира, Инферно. Приглашение это Драго получал сложным и долгим путем, так что для начала, думаю, мне нужно вместо него отправиться в этот замок и посмотреть, что там и как. Причем у меня есть дарованное, так скажем, знание, что именно визит на это мероприятие поможет мне отдать кровавый долг Драго мечам.

Николаев, судя по взгляду, начал всерьез рассматривать первый вариант.

– Сергей Александрович. Я говорю, мне нужен меч, а вы при этом думаете обо мне что-то плохое. Как будто он мне как игрушка нужен – я бы это оружие век не видал, если бы не обстоятельства.

Елизавета с трудом сдержала улыбку, закатив глаза, Измайлов покраснел, но смог сохранить каменное лицо.

Николаев же медленно вдохнул и выдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Артур.

– Да.

– Ты хочешь идти на мероприятие в Инферно без внятного плана? У тебя всего сутки на рекогносцировку.

Елизавета при этих словах отвернулась от полковника. И прикусила губу – вспомнила, наверное, мои мысли про то, что он завидует моей способности критического планирования.

– Я же не в неизвестность совсем. Там Валера на Занзибаре, он в курсе должен быть.

– Все, что знал Валера, только что тебе Сергей рассказал. Ты, вернее, этот парень, как его там... Драго, да?

«О!» – удивленно приподняла брови Елизавета.

Она совершенно не ожидала, что Николаев станет разговаривать, переняв наш с Валерой тон.

«Ты должен был бороться со злом, а не примкнуть к нему!» – словно бы говорила взглядом Елизавета. Впрочем, ей, как я видел, произошедшее определенно понравилось.

– ...Этот Драго просто не успел передать Валере основную информацию. Они с Валерой действовали не совместно, работая параллельно, но над совершенно разными вопросами.

– А Валера там чем тогда занимался?

– В основном охраной Николетты Агилар. Он от нее ни на шаг не отходил.

«Ни на шаг не отходил?» – услышал я возмущенное эхо мыслей Эльвиры.

Вот это подстава – нельзя же так с Валерой, он же хоть и

оборотень, но живой человек. Мда, похоже, кому-то скоро очень не поздоровится.

– Ну... нет, так нет, – вслух сказал я, стараясь скрыть от Эльвиры свои мысли. – Да, неприятно, но что делать? Я чувствую перед этим парнем, Драго, в некотором роде ответственность. И я не могу позволить себе допустить, что на нем повиснет кровавый долг, который совсем не шутки.

– Драго же не имеет возможности вернуться.

– Я такого не говорил. Он не может возродиться прямо сейчас. Но возможность вернуться имеет: я могу умереть, к примеру, это раз. И есть еще вторая возможность – но, прошу простить и понять, мне не хотелось бы ее обсуждать прямо сейчас. Предварительно мне нужно посоветоваться с невестой, – посмотрел я на Саманту.

– Если еще король Георг и царь дадут согласие на ваш брак, – уточнил Николаев. – С твоими... мягко скажем, самыми разными действиями это сейчас вполне жизненный и рассматриваемый вариант.

Саманта после этих слов приоткрыла было рот, явно собираясь сказать, что именно она думает обо всем этом, но промолчала.

Умная и способная девушка.

Елизавета, кстати, в этот момент внимательно посмотрела на Саманту и едва кивнула, прикрыв глаза. Удовлетворенно кивнула – сдержанность Саманты, судя по всему, ей понравилась.

– Но мы не король Георг и не царь-батюшка, – произнес Николаев. – Так что давай не будем пока отменять планы вашей помолвки и вернемся к насущным вопросам. Если долг перед мечом принадлежит Драго, то как его можешь вернуть ты?

– Душа, даже в разных ипостасях, в пределах одного мира неделима. Именно поэтому Драго воскреснуть не сможет. Его контракт с мечом скреплен Кровью, а кровь и моя, и Драго определенно одинакова по вкусу, наполнению, ауре, или как там еще Магия Крови кровь определяет.

Николаев кивнул и задумался.

– Сергей, у тебя уже через три часа встреча с кабинетом министров, – неожиданно тронула его за руку и шепнула Елизавета. Негромко шепнула, но я услышал.

«Встреча с кабинетом министров?» – удивился я, бросив вопросительный взгляд на Саманту. Она, правда, даже не поняла, что меня удивило.

«Перед тобой президент Российской Конфедерации», – услышал я поясняющий голос Эльвиры. «Который завидует твоему таланту кризисного управленца», – добавила, не сдержавшись, царевна.

Вот оно что. Все-таки стал Николаев президентом, надо же. Исполняющим обязанности, предполагаю, но это уже частности.

– Сергей Александрович.

– Да? – отвлекся Николаев от раздумий.

– Не стоит волноваться. У меня все под контролем, я знаю, что делать, – попытался я успокоить нового, неожиданного, но ожидаемого президента Российской Конфедерации.

– Ты. Знаешь. Что делать, – подарил мне тяжелый взгляд Николаев.

– Ой ладно, в первый раз, что ли? Я уже в таком режиме полгода живу. Со всем разберусь.

– Этого я и боюсь.

– Если я не получу кровавый меч и не верну ему долг Драго, то у Драго будут большие проблемы.

– Какие?

– Большие.

– Какие большие?

– А вот этого я не знаю, если честно. Сам на этом пути впервые.

– Артур, – вздохнул Николаев.

– Да.

– «...» – еще раз вздохнул он, поднимаясь.

– Эм... что? – не очень понял я.

– Просто держи меня в курсе событий, – обернулся полковник к двери.

– А...

– Что?

– Мне бы, в идеале, научиться вот это вот в пространственный карман убирать, – показал я на футляр от виолончели. – Я ж не буду с ним по улице шататься.

– Я знаю, как это делать, и я тебя научу, – негромко произнесла Саманта.

– Отлично, – обрадовался я.

– Отлично, – эхом повторил Николаев, снова оборачиваясь к двери.

– А...

– Что? – вкрадчиво спросил он, снова остановившись на полушаге.

– Мне бы еще решить вопрос организации связи и взаимодействия с авианосной группой конфедератов. Переговорные таблицы, коды радиосвязи, или что мне еще как специальному агенту в тылу корпоративного врага полагается.

Судя по прощальному взгляду, Николаев сейчас хотел мне дать совсем не возможность организации связи с авианосной группой конфедератов. Хотел, но сдержался. Сдержанно сообщив, что все, что мне нужно, я могу получить через Измайлова, он вместе с Елизаветой покинул кабинет и почти сразу усадьбу.

Вот так вот – всего ненадолго от дел отошел, а мастер-наставник уже президент Российской Конфедерации, Эльвира в дипломатическом корпусе, Валера на Занзибаре...

Впрочем, не могу сказать, что я этому не рад.

Могло быть и хуже.

Глава 4

У меня оставалось меньше двух суток до того момента, как я в маске Драго Младича должен появиться в замке сэра Джона Холдена, посетив мероприятие для избранных. И из-за попыток догнать время, ради того чтобы не упустить возможности, события после моего возвращения в реальный мир превратились в нескончаемый калейдоскоп.

Все сливалось в нескончаемую череду. Разговоры, приказы и указания; переезды и перелеты. Менялись лица, окружение и пейзажи за окном – причем все это на бегу, без перерывов на обед и даже небольших передышек. Все очень быстро, но без суеты и лишней спешки – которые, как известно, больше мешают.

Приостановился бег гонки со временем только вечером. И случилось это в южной части африканского континента, в Родезии, куда мы с Самантой и Эльвирой прибыли в поместье в окрестностях города Гвело.

Эльвира полетела с нами, потому что через четыре дня ей было предписано прибыть в Найроби, на службу в посольство Российской Конфедерации в Британской Кении – куда совсем недавно она получила назначение. И эти четыре дня Эльвира решила провести неподалеку от Занзибара и всего остального протектората, воспользовавшись приглашением Саманты.

Довольно неожиданно Эльвира меня попросила не говорить об этом Валере. Я обещал, но походя – сильно вникать в это просто не было времени. Хотя и было интересно, почему она не хочет, чтобы Валера знал о ее присутствии в Африке. Может, сюрприз хочет сделать?..

Когда мы прибыли в Гвело, за окном уже стояла ночь. В поместье состоялся совсем короткий совместный ужин, а после мы с Самантой, впервые за четырнадцать часов со времени моего возвращения, остались наедине. И едва оказались в апартаментах Саманты и за нами закрылась дверь, как она просто запрыгнула на меня, обвив ногами и целуя.

Но, почувствовав, как я пытаюсь отстраниться, мое напряженное и взволнованное состояние, девушка насторожилась.

– В чем дело? – отстранилась она, глядя на меня сверху вниз.

И уже явно волнуясь.

Саманта попыталась даже слезть с меня обратно, но я ее удержал. И, так и держа ее под бедра и ягодицы, прислонился спиной к двери, глядя на нее снизу вверх.

– У меня есть к тебе очень важный вопрос.

– Очень важный, – негромко, эхом повторила Саманта.

– Очень важный. Вопрос, от которого зависит наше, иначе и не сказать, возможное будущее.

Совместное будущее – хотел было сказать я, но не сказал.

За долгий срок, проведенный в обители междумирья, я много раз прокручивал наш состоявшийся с Баалом разго-

вор. И прекрасно помнил его слова: «...если ты выберешь Саманту, а Саманта выберет тебя».

Архидемон действительно заставил зародиться крупицу сомнения. Ведь дорога, которую я сейчас хочу предложить Саманте, – это дорога без возврата. И что она выберет – путь в Альбион или корону, я не уверен.

После моих слов и услышанного эха мыслей – которые я как мог скрывал, Саманта напряглась еще больше. Ощущая серьезность момента, она вдруг – вот так, сидя на мне и обвивая меня ногами, почувствовала себя крайне неудобно. Саманта ясно поняла, что вопрос действительно серьезный.

Я же старался, чтобы мысли мои она не читала. Но Саманта определенно почувствовала по моим эмоциям, что появилась неиллюзорная вероятность того, что наши отношения – близкие отношения, вместе с планами на дальнейшую жизнь, могут закончиться прямо здесь и сейчас.

Вариантов, конечно, много – мы ведь можем и свадьбу сыграть, и с ее короной вопрос решить, но вот потом... Если ее ответ на вопрос об Альбионе будет однозначен, то делать все это мы будем только как деловые партнеры.

– Этот твой вопрос... это именно то, что ты хотел, прежде чем говорить другим, обсудить со мной наедине? – ровным голосом произнесла Саманта.

Вспомнила. Вернее, не вспомнила – думаю, об этих моих недавно сказанных словах она не забывала. Просто акцентировала внимание.

– Именно так.

– Задавай свой вопрос.

– Для того чтобы появилась возможность воскресить Драго, мне нужно покинуть этот мир. И я хочу это сделать. Уйти из этого мира. Нет-нет, не самовыпилиться, став героем, – отреагировал я на ее крайне удивленный взгляд.

«Самовыпилиться, став героем...» – услышал я эхо мыслей Саманты.

– Ты иногда говоришь на русском языке, который я хорошо знаю, используешь слова, которые я понимаю, но при этом... смысл сказанного я понимаю с большим трудом.

– Иные меня вообще не понимают. Ты на фоне остальных отличаешься невероятно острым умом и природной сообразительностью.

– Ты можешь поскорее задать свой вопрос? – холодно осведомилась Саманта.

Несмотря на то, что она сидела на мне, обнимая и обвив ногами, а я держал ее, подхватив под ягодицы, теплоты эмпатии общения сейчас между нами – как если бы мы в зале суда на разных скамьях сидели.

Потому что и я, и она сейчас максимально защищали собственные мысли. Не оттого, что есть что скрывать друг от друга. Скорее для чистоты беседы от лишних эмоций.

– Конечно. Но с предисловием, без него никак. Драго для меня – не последний, так скажем, человек. И я хочу уйти из этого мира, освободив ему место. Уйти в другое место – и

это не планы нашего мира, не Инферно, не темный мир отражения и прочие. Это – билет в один конец, путь в навсегда.

Саманта слушала меня и – закрывшись ментальным щитом, по-прежнему никак эмоционально не реагировала.

– Я покину этот мир не завтра. И не послезавтра. Может состояться наша свадьба, мы можем получить корону и короны, но в этом мире в далекой перспективе планирования меня нет. Этот вариант для меня – если не появится никаких экстраординарных обстоятельств, вопрос решенный. И, покинув этот мир, я больше никогда не смогу сюда, в этот мир, вернуться. Никогда. И, прежде чем задам свой вопрос, я считаю нужным, чтобы ты знала о такой перспективе.

Я сделал небольшую паузу, думая, как лучше сказать, что этот мир – Альбион. Мир, в котором пропала экспедиция, возглавляемая отцом Саманты.

– То есть ты предлагаешь мне вместе с тобой покинуть этот мир. Отказаться от всех привилегий по праву рождения, отказаться от возможности занять трон и, освобождая путь для возвращения Драго, отправиться неизвестно куда?

– Ты забыла меня спросить, что это за мир.

– Какая разница? Это не наш мир, и я там буду чужой.

В голосе Саманты сейчас зазвучал весь лед Северного океана. Надо же, я почему-то думал, что так только Ольга умеет.

Мда. Все я сделал через... неправильно.

Во время перелета у меня было целых два часа – и мог я, вместо того чтобы обсуждать с Эльвирой и Самантой геополитику,

литику и знакомиться с досье банд Полигона и департамента Некромикона от Валеры и Измайлова, мог вместо этого немного рассчитать план беседы с Самантой? Сейчас ведь происходит один из самых главных разговоров в этой моей жизни, а я его спонтанно начал.

И теперь, даже если я сейчас скажу, что мир этот – Альбион, Саманта может подумать, что я ее проверял. А что если она сейчас откажется, а уже потом, когда я скажу, что этот мир – Альбион, будет готова поменять решение?

Как это будет выглядеть уже при взгляде с моей стороны?

Вот хотя бы всего пять лишних минут, неужели я не мог потратить на подготовку плана беседы?

– Там, надеюсь, будет не холодно?

– Что?

– Там. В этом мире. Я надеюсь, не будет холодно так, как было холодно тем вечером, когда ты привел меня к себе домой два месяца назад?

– Эм... а я не знаю.

– Умеешь ты уговаривать, – неожиданно произнесла Саманта. – Но хотя бы одна хорошая новость у тебя есть?

– Думаю, да. Этот мир, в который я собираюсь...

– Ты иногда бываешь так невыносим, что мне хочется тебя ударить.

– Этот мир, в который мы уйдем навсегда, называется Альбион.

– Ты это специально делаешь? Артур, это не шутки.

– А я и не шучу.

– Это Альбион?

– Да, это Альбион.

– Альбион... то есть поэтому мой отец не смог вернуться?

Потому что это иной мир, не план-отражение мира нашего?

Потому что из нашего мира есть только дорога туда?

– Кровавые мечи могли дать возможность ходить и туда и обратно. Но они уже разделены.

– Но ведь...

Саманта не договорила, потому что все поняла, сопоставив полученные от меня знания про Драго.

– Ты специально так беседу построил?

– Как так?

– Артур.

– Да?..

– У нас с тобой, если все получится, впереди целая вечность. Но почему-то при каждой новой встрече у нас так мало времени, что я даже не могу достойно на тебя обидеться и показать характер, – глядя сверху вниз, с холодной злостью отчеканила Саманта. – Почему ты сразу не сказал?

– Я пытался, но ты не позволила.

– То есть я еще и виновата?

– Тебе очень идет злиться.

– Ты даже комплименты не умеешь нормальные делать.

– Ну, я пока и не начинал.

– И не начинай лучше. Хам. Когда ты собираешься ухо-

дить?

– Утром же.

– Уходить в Альбион!

– В Альбион «мы» же собираемся уходить? – поднял я бровь.

– Окей, когда «мы» собираемся уходить. Не смотри так, русский мне не родной, ну, перепутала междометия.

– Местоимения.

– Тем более.

– Когда я только что перепутал местоимения...

– Не начина-ай. Настоящий легендарный герой может позволить себе быть великодушным до попустительства. Тебе так важны эти местоимения?

– Ладно, ладно, – отреагировал я на блеснувшие пламенем глаза Саманты. – Я готов уходить хоть через неделю. Решить вопрос с кровавым мечом, а все остальное – что Драго тут наворотил, пусть сам и расхлебывает.

– Хоть через неделю не получится.

– Почему?

– У нас есть обязательства перед своими фамилиями. И...

– И?..

– И, во-первых, свадьба.

– Так.

– Во-вторых, медовый месяц.

– Так.

– В-третьих, я уже дала от твоего имени обещание, и ты

кое-что должен сделать.

– Та-а-ак...

– Не смотри на меня так.

– А я не смотрю на тебя так. Просто мне интересно, что...

– Между прочим, когда ты мне однажды позвонил среди ночи...

Саманта не договорила, потому что я закрыл ей рот поцелуем.

– Так что ты говоришь про свое обещание, связанное со мной?

– У тебя через полгода должна состояться дуэль с принцем Амином.

– Что?.. А, ну да, – вспомнил я поединок с аравийцем в Яме, на арене нижнего города Высокого Града.

Поединок, с которого и началась моя история в этом мире и о проведении матча-реванша которого мы договорились с аравийским принцем, стоя на крыле медленно тонущего самолета, когда в это же время бешеный взвод штабс-капитана Измайлова захватывал яхту с герцогиней Мекленбургской.

– Чему ты удивлен?

– Не ожидал, что ты об этом знаешь.

– Наверное, тебе бы стоило удивляться, если бы я об этом не знала. Знаешь, в Британии, как и в Конфедерации, есть такая служба – внешней разведки. Тебе не рассказывали?

– Давай, добивай. Художника обидеть каждый может.

– Художника?

- Что такое?
- Ты еще и рисуешь?
- Нет, я не рисую.
- А как тогда...
- Я идентифицирую себя как свободный художник.
- И?
- Хочу рисую, хочу не рисую.
- С тобой так все сложно, потому что ты русский?
- Что и требовалось доказать.
- Что требовалось доказать?
- Что художника обидеть может каждый. Почему чуть что – сразу русский?

Саманта прикрыла глаза. И провела с закрытыми глазами несколько секунд – я с интересом наблюдал, как дрожат ее веки.

- Никаких гарантий, что после моего обещания быть с тобой в горе и в радости тебе будет со мной легко, я не давала.
- Это я помню.
- И ты к этому готов?
- Самое главное, чтобы ты была к этому готова.
- Ты невыносим.
- Может быть, это потому, что я русский?
- Нет, скорее это из-за того, что ты идентифицируешь себя как свободный художник.
- Имею что возразить...
- Итак, принц Амин пытался избежать дуэли, когда узнал,

кто ты такой, – произнесла Саманта, уже полностью вернув самообладание и настроившись на рабочий лад.

– Н-ну... разумное желание. Я его прекрасно понимаю.

– Но правящая династия оказалась против, напирая на невозможность избежать поединка, чтобы не покрыть позором честь семьи.

– Он наследный принц?

– Ему недалеко.

– Н-ну... и это разумное желание. Я и правящую династию прекрасно понимаю, толпу у трона никто не любит.

– Принц попросил меня о помощи.

– Тебя?

– Что тебя удивляет?

– Ты его знаешь?

– Лично – нет.

– А как тогда... все-все, понял.

Саманта, до недавнего времени, успешно заставляла воспринимать себя как будущую королеву. Я помню наш разговор в саванне, перед тем как мы с ней приняли участие в сафари, в роли охотников на охотников. И помню, как она тогда сказала, что это – ее земля. Подразумевая всю Африку. Ну а Аравийский полуостров от черного континента совсем недалеко, и интерес Саманты к происходящему там – насущный для нее вопрос.

География, она такая – не менее безжалостная, чем законы физики.

– Мы с принцем договорились.

– О чем?

– Ты придешь на дуэль, во время которой кое-кто умрет, но это будет не Амин. Он в этот день станет сначала наследным принцем, а потом сразу королем. Признательным лично мне и тебе королем.

– Но мы же уходим. Это так важно?

– Ты не хочешь этого делать?

– Мне все равно. Просто не могу понять, какой профит...

– Твой кровный брат – персидский принц. Считаешь, ему лишним будет...

– Все-все, прости, я просто не о том думаю.

– Да я уже чувствую, о чем ты думаешь.

– И о чем я думаю?

– О том же, о чем и я.

– А о чем ты думаешь?

– О том же, о чем и ты.

«...Ох, какие пошлые у тебя мечты», – невольно не сдержался я.

– О мой Бог, с кем я связалась, – закатила глаза Саманта. – У меня мечты – романтические!

Глава 5

Времени у нас было слишком мало, чтобы тратить его на сон. И более-менее мы пришли в себя, когда дело уже близилось к утру.

С первым лучом рассвета Саманта мягко соскользнула с кровати и, подойдя к окну, наблюдала, как поднимающееся солнце раскрашивает горизонт. Я же просто лежал и любовался силуэтом ее фигуры. Сейчас, в лучах рассветного солнца, Саманта красотой легко могла поспорить с любой ожившей грацией – богинями изящества, прелести и красоты.

Бросив последний взгляд на заалевший край неба, Саманта потянула завязку портьеры, и тяжелая шелковая завеса мягко расправилась, полностью закрывая нас от робкого утреннего света. Сразу после Саманта вернулась на кровать. Легла поперек широкого ложа, сложив ладони у меня на груди и положив на них голову как на подушку.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Ты потрясающая.

Саманта довольно кивнула, на пару мгновений прикрыла глаза. Она, как и я сейчас, полностью обессиленная, плавала на границе между сном и явью, наслаждаясь приятной расслабленной негой. Голова Саманты лежала на моей груди, и я мягко гладил ее по рассыпавшимся волосам. Потянувшись,

руку она мою перехватила и пару раз поцеловала пальцы и ладонь.

Говорить на языке тела друг с другом у нас, как я заметил, получалось гораздо лучше, чем говорить на человеческом разговорном языке. Может, потому, что Саманте русский не родной?

– Хам, – услышав мои мысли, прошептала принцесса.

– А потому что не стоит читать чужие мысли.

– Что и требовалось доказать, – лениво, не открывая глаз, шепнула Саманта.

– Сэми.

– Да.

– У меня есть к тебе просьба.

– Да.

– Не доверяй вообще никому. Ни одному человеку.

Саманта потянулась, поменяла позу и положила подбородок на сложенные ладони. Она распахнула свои невероятные голубые глаза, которые буквально засветились в полумраке.

– Вообще никому? – внимательно посмотрела Саманта на меня своим удивительным взглядом.

– Ты чувствуешь эхо моей Крови, когда находишься рядом с Валерой и Эльвирой?

– Да.

– Вот пока чувствуешь, им можешь верить, если меня рядом нет.

– Связи на Крови невозможно перестать чувствовать.

Связь Кровавого союза – неразрывная. Ее можно разорвать только одним способом.

– Этого-то я и боюсь.

Саманта при этих моих словах ощутимо напряглась.

– Предчувствие?

– Нет. Но впереди время ненависти, а это очень опасное время.

– Поняла.

– И насчет неразрывности связи Кровавого союза.

– Что?

– Знаешь, когда я попал в этот мир, каким было первое утверждение, которое я услышал от сильных мира сего?

– Каким?

– Мне сказали, что то, что я сделал, – это невозможно.

– Ясно.

– Ты обещаешь, что не будешь никому доверять?

– Обещаю.

– Ты узнала, почему Ада убила Элимелеха?

– Да. Ей приказала богиня.

– А... хм. Мда. Мотивов не пояснила?

– Нет.

– А ты спрашивала?

Саманта набрала воздуха для резкой отповеди, но я приложил ей указательный палец к губам.

– Не нервничай. Я просто спросил.

– Просто спросил он, – перехватив руку, Саманта укусила

меня за палец.

– Больно!

– Конечно больно, удивил... будет еще больнее, если будешь меня так обижать. Я, между прочим, свое образование начала с изучения Илиады в оригинале! И ты после этого смеешь называть меня глупой?!

– Все, все, я все понял, пойми и прости. Прошу, постарайся быть осторожной и ни во что не...

– Что? – сощурилась Саманта.

– Что «что»?

– Это ты мне говоришь? «Постарайся быть осторожной»?

– Эм. Ну да.

– Ты. Говоришь это мне.

– Ммм... а в чем проблема?

– Ты, – приподнялась и ткнула мне указательным пальцем в грудь Саманта. – Мне, – коснулась она тем же пальцем своей груди.

– Ты мне говоришь: «Постарайся быть осторожной»! Да я вообще сама осторожность – это мое второе имя. По сравнению с тобой. Ничего что ты вообще два дня назад умудрился умереть?

– Ну, технически это был не я.

– Технически. Артур.

– А?

– Ты ведь слышал русскую шутку, что быют не по паспорту, а по лицу?

– Я-то слышал. А вот откуда ты ее слышала?

– Неважно.

– Нет, погоди...

– Ты не уходи от темы. Ты просишь меня быть осторожной, а сам...

– Я думаю, что все будет нормально.

– Конечно, все будет нормально. Я ведь полечу с тобой.

– Что?

– Что «что»?

– Куда ты со мной полетишь?

– На Занзибар.

– Нет.

– Что значит нет?

– Это значит нет. Я не готов к тому, чтобы постоянно думать о том, что могу тебя потерять.

Саманта блеснула глазами и опасно сощурилась, явно собираясь что-то мне сказать.

Что-то резкое, дерзкое и авторитетное.

– Так, стоп, – я был быстрее и снова приложил палец к ее губам. – Ты сначала определись, кто тебя устроит – не знающий страха и упрека легендарный герой или мимокрокодил, который в ответственный момент готов рискнуть твоей жизнью и здоровьем.

Саманта поперхнулась от неожиданности – но решимости отстаивать свою точку зрения не потеряла. Я же, подвинувшись так, что мы теперь лежали совсем рядом, аккуратно

взял ее лицо в ладони и поцеловал.

– Определилась? Ну вот и отлично, я в тебе не сомневался. Пойми, я не хочу тебя сейчас, в самом начале пути, потерять. И, если быть честным – а я сейчас, будучи честным, если что, совершаю настоящий подвиг... Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что легендарным героям сложно найти столько мужества, чтобы признаться в своих страхах. А я вот нашел и хочу тебе сказать, что боюсь не только за тебя, но и за себя. Я не только боюсь тебя потерять, но и боюсь сам потеряться – потому что если ты полетишь со мной, то на Занзибаре я в первую очередь буду думать, в безопасности ли ты, а не о том, что мне нужно делать и сделать. Так что прошу тебя, останься здесь, в Родезии, под защитой гуркхов, твоих африканских стрелков, лучшей в мире легкой пехоты и личной гвардии. И...

– И?

– У тебя ведь будет не меньше работы, чем у меня. Нам с тобой предстоит путь в неизвестность, в новый мир, терра инкогнита. Это место, где живут драконы, – на латинском сказал я, намекая на обозначение неизведанных земель на старых картах. – И ты, в идеале, должна будешь собрать нам с собой багаж всех накопленных знаний нашей цивилизации. Всех полезных знаний, я имею в виду, записи русского рэпа или фильмы Уве Болла собирать необязательно. Так что тебе предстоит умная и кропотливая работа, а мне грязная и

тупая – тут прибраться, там убрать. На Занзибаре начнется ад, тем более что я не знаю когда...

– Я знаю.

– Знаешь?

– Конечно знаю, мог бы и спросить. Через десять дней он начнется.

– Эм...

– Через восемь дней на острове начнется эвакуация и смута. Вернее, эвакуация уже началась, но это пока не афишируемая эвакуация подданных короля. Через восемь дней начнется уже массовая эвакуация, а через десять – по выкладкам разведки, первые серьезные столкновения.

– Почему ты так уверена в точных сроках?

– В парламенте, на последнем заседании, принято решение вывести с острова колониальную администрацию и передать власть корпорации Некромикон. Дата определена, объявление об этом будет сделано через восемь дней. Вот поэтому.

Негромко пискнул планшет ассистанта на столе, и Саманта обратила на него внимание.

Я же подумал, какой красивый ход, надо же. Мало того что своим уходом британцы развязывают войну – а я представлял то осиное гнездо, в которое превратится остров без единой администрации. Так, кроме того, британцы, предполагаю, себе еще под это дело в ООН преференции наверняка в других регионах планеты выторговали. Выглядит это все

как сдача позиций, а не стравливание разных сил под командой «Деритесь уже!»

– Гонконг, – произнесла вдруг Саманта.

– Что Гонконг?

– Решили вопрос с Гонконгом. В совете безопасности ООН будет принята резолюция, что администрация короны уходит с Занзибара, за счет того что аренда Гонконга будет продлена еще на девяносто девять лет, – ответила на мои мысли Саманта.

Да как она их читает так, что я этого даже не чувствую.

– Вот так и читаю.

– Красиво.

– Я красивая?

Вообще-то, мое «красиво» относилось к схеме передачи Занзибара в обмен на очередные сто лет владения Гонконгом, но говорить об этом вслух я, конечно же, не стал.

– Ты не просто красивая, ты прекрасная.

– Не спорю.

– С этим невозможно спорить. В общем, ты разберись с нашими планами, а я разберусь на острове.

Саманта только вздохнула и внимательно на меня посмотрела.

– Верь мне, – ответил я на ее взгляд.

– А что мне еще остается?

– У нас осталось мало времени. Сколько у меня до самолета?

– Два с половиной часа.

– И надо потратить их с пользой, – притянул я к себе Саманту, но она мягко выскользнула.

– Еще одна вещь. У тебя есть предпочтения по имени?

– Какому имени? – не понял я.

– Имени маски, в которой ты уже через пару часов полетишь на Занзибар.

– Эм... а я британец?

– Родезиец.

– Ну, то есть британец.

– Нет. Ты родезиец.

– Окей, понял. Не британец, родезиец. Так тебе нужно имя?

– Да, и желательно побыстрее. Если тебе, конечно, не все равно – я команду дам, могут все и за тебя придумать.

Я задумался. Том Круз уже был, а кто еще есть из простого? Чтобы прямо сейчас на языке взять? Быстро взять, чтобы и время не терять, и каким-нибудь Арчибальдом ван дер Вестхуизеном волею случайного алгоритма не стать?

Кто есть в быстром кэше памяти? Харри Кейн? Претенциозно. Джеймс Бонд? Смешно, хихикать буду. Гарри Поттер? Еще лучше. Хотя...

– Джордж Мартин.

– Джордж Мартин? – уточняя, переспросила Саманта, готовая записать имя.

– Джордж Реймонд Ричард Мартин, вернее, – вспомнил я

полное имя. – Нормально?

– Да, нормально... – занесла было руку над планшетом ассистанта Саманта. – Ты чего так смотришь? – замерла она, определенно почувствовав мое равнодушие к имени.

– Да не, ничего.

– Ну-ка скажи, кто этот Джордж Мартин?

– Да знакомый старый, неважно.

– Судя по твоим эмоциям, важно. Я не слышала никогда этого имени, он как-то знаменит?

– Да я же говорю, ничего особенного.

– Артур. Я чувствую, что тебе этот Мартин небезразличен. Что это за знакомый, может быть выбрать другое имя?

– Да книжки он пишет, говорю же, ничего особенного.

– Хорошие книжки?

– Ну, так, сказки...

– Хорошие сказки?

– So so. Вечерок скоротать можно.

– Эти сказки хотя бы добрые?

«Санса Старк скормила поначалу живого Рамси Болтона собакам. Вот так, детишки, в сказках добро побеждает зло», – подсказал мне внутренний голос.

– Добро там побеждает.

– Значит, добрые. А добрые сказки – это хорошо. Я люблю добрые сказки, так что пусть будет Джордж Мартин. Занзибару как раз не хватает добрых сказок, вот ты их и сочинишь... – негромко говорила Саманта, забивая имя в план-

шет и явно через меню отдавая какие-то указания насчет моего грядущего полета.

Через десяток секунд, отложив ассистант в сторону, Саманта посмотрела на меня уже совершенно по-иному.

– А теперь иди сюда. У нас действительно осталось очень мало времени...

Глава 6

Как только я занял свое кресло в салоне авиалайнера, очень удобное надо сказать кресло, сразу вернулась расслабленная нега полусна. От которой я избавился лишь усилением концентрации. Не сразу, конечно, – уже после взлета. И, встряхнувшись и вздохнув, настраиваясь на новые свершения, посмотрел в иллюминатор, разглядывая поблескивающую далеко внизу водную гладь океана.

Пытаясь настраиваться на новые свершения. Получалось не очень.

Когда быстро живешь, усиленно пытаешься догнать время, иногда недавно случившиеся события сразу не отпускают. И сейчас, сидя в удобном кресле – находясь в одиночестве в салоне первого класса авиалайнера, я еще существовал в минувшем моменте. Стоило только закрыть глаза, как сразу видел Саманту; почти осязаемо чувствовал ее прикосновения, слышал эхо слов и ощущал тени эмоций.

На новые свершения настраиваться все так и не получалось. Внутри какая-то пустота; осознание, что с момента возвращения мне не хватило времени ни на что. Ни на полноценное общение с Самантой, ни на более-менее подробный разговор с Эльвирой. С Николаевым-то понятно, почему не хватило, – если он не только глава Госсовета, но и и. о. президента, он сам в постоянном цейтноте живет сейчас. Как и

я. Но я-то не президент и не глава Госсовета – вот что обидно.

Мне не хватило времени даже на нормальное человеческое общение в нормальной обстановке – дефицит которого я определенно испытывал после жизни в замке среди бесконечности космоса.

Размышляя о своем спешном беге, схожем с движением белки в колесе, я подумал о том, что возникшая из-за контракта Драго с мечами срочная необходимость лететь на Занзибар и ломать чьи-то будки в замке неизвестного сэра Джона Холдена меня всерьез расстраивает. Тем более что лететь мне приходится и в прямом, и в переносном смысле – считая часы для того, чтобы не опоздать.

Не хочу.

Вот не хочу я ничего, устал. Ну или поумнел просто.

Довольно странное ощущение.

В мыслях и на языке – после моего возвращения в реальный мир, стало больше сарказма, иногда злого; при этом напрочь исчезла юношеская порывистость. Как будто после разделения и воскрешения часть моей души, видоизмененная под воздействием памяти Олега, снова повзрослела. Или та часть души... просто потерялась по пути?

«Алло, да, это техническая поддержка. Перезагрузите компьютер и, если проблема не уйдет, перезвоните».

Сейчас я – это как будто тот самый изначальный я, который полгода назад появился в этом мире. Без влияния памя-

ти личности Олега, слившейся с моей душой и иногда опрометчиво толкавшей на такие поступки, которые при здоровом размышлении кажутся... не очень умными, так скажем.

Понятно, что сейчас я прямо с порога вписался в очередной блудняк, но все же делаю это сознательно – чтобы максимально быстро завершить собственные обязательства (взятые на меня Драго) и как можно быстрее свалить на Альбион.

И это сейчас совершенно нормальное и естественное желание.

У меня ведь, с момента появления в этом мире, была недостижимая цель – уехать в Байю, гнать самогон и танцевать с енотами. Без забот. Без обязательств. Но я понимал, что этот вариант для меня абсолютно нереализуем – по праву рождения.

Даже если я уеду инкогнито в Байю, куплю там самогонный аппарат и позову енотов, меня – как раз таки по праву рождения, очень быстро найдут и закопают. Просто потому, что такие, как я, люди – с таким происхождением, как у меня, в отставку выйти не могут.

Стоит перестать быть субъектом, моментально станешь объектом.

Перспектива же отправиться на Альбион в скором времени просто вдохнула в меня невероятный энтузиазм.

Да, это неизведанный мир. Да, там придется начинать все с нуля.

Но.

Есть классификация четырех типов офицеров – классификация от Манштейна. Которую, по моему мнению, можно применять ко всем руководителям.

Первый тип офицеров – это ленивые и глупые. Манштейн, правда, утверждал, что вреда они не приносят, но я в этом с ним абсолютно не согласен. В условиях отрицательного отбора подобные кадры – это истинная причина всех бед. Плавали, знаем.

Второй тип – трудолюбивые и умные. Это становой хребет любой организации, вплоть до государственной.

Причем, как правило, эти люди выше среднего звена не поднимаются – это уже опять мое наблюдение. И причина, опять же на мой взгляд, проста: эффект Даннинга-Крюгера. Когда высококвалифицированные люди склонны реально осознавать собственные возможности, никогда не выдавая стопроцентной уверенности в успехе предстоящей работы.

Третий тип – трудолюбивые тупицы. Таких – третий тип, Манштейн, кстати, предлагал расстреливать. Но вот эти ребята, как правило, в иерархии всегда выше трудолюбивых и умных. Причина опять же проста – все тот же эффект Даннинга-Крюгера. Потому что не очень умные люди склонны завышать свои возможности, давая гарантию успеха там, где второй тип специалистов более честно и, что самое главное, более верно скажет о невозможности добиться нужного результата в оговоренных рамках условий.

И четвертый, последний тип – это умные и ленивые офи-

церы.

Таким, как правило, лучше занимать самые высокие должности. Потому что во имя своей лени эти люди готовы горы свернуть, чтобы потом не вспоминать об обязанностях и наслаждаться благодатным ничегонеделанием. А для этого им всего лишь нужно совершить кратковременное усилие – найти команду профессионалов второго типа и просто организовать их работу так, чтобы они, в случае чего, даже не заметили отсутствие главного командира.

Путь в Альбион предоставляет мне именно такую возможность. Неважно, что происходит в том мире. Потому что там я могу стать предводителем команды лично набранных профессионалов и в нужные моменты лишь включать харизму лидера, показывая направление, куда и до какого момента нужно копать.

Вариант остаться здесь, в этом мире, даже в случае моего возвышения вплоть до получения короны или корон, подобную возможность может предложить, только если я сломаю весь устоявшийся миропорядок. А с учетом старой аристократии, новой знати, династических монархий – ломать здесь не переломать.

Весь мир в труху.

А я к этому просто не готов.

Зато я готов уходить. Более того – я уже не просто готов, а с нетерпением жду этого момента. И сейчас, задумавшись обо всем этом, даже немного расслабился, отпустив концен-

трацию.

Позволил себе немного помечтать.

Может быть, сходить в гости к этому Холдену, а после устроить вечеринку? Собрать друзей и даже знакомых, просто расслабиться и отдохнуть? Хотелось бы, конечно, очень хотелось. Но, как говорил знаменитый в этом мире дон Эрнесто Гевара, один из идеологов создания Трансатлантического союза: «Если ты устал, ты можешь сесть и отдохнуть. Но тогда ты никогда не станешь первым».

Хо-оотя... – снова заговорили во мне лень и жажда праздника. Сколько там дней осталось до погружения Занзибара в пучину первой корпоративной? Восемь дней, целая вечность. Ну, день отнимем на визит к Холдену, и получается целых семь дней.

Вполне можно парочку выделить, чтобы нацелить на будущее командообразование. Тимбилдинг, если по-русски. Как раз совместить приятное с полезным – и подвести под это дело мероприятие по первичному отбору кандидатов для участия в экспедиции освоения неизведанного мира.

Хороший план? Да отличный. К тому же лишняя вечеринка никогда не бывает лишней.

Ладно, что-то я заранее расслабляюсь. Какое-то празднично-ленивое настроение накатило. Накатило, потому что мне виден конец.

Ну ладно, не конец, а новое начало – новый неизведанный мир. Но этот новый неизведанный мир будет подчи-

няться моим правилам. Почему-то есть у меня такое стойкое предчувствие. Да-да, то самое, дьявольское, подаренное еще Астеротом.

И сейчас я очень сильно надеюсь как можно быстрее разобраться с проблемами на этом, и не только на этом, острове и после немного расслабиться. Я ведь даже сноуборд еще не опробовал на склоне, а сезона осталось – если в Архангельскую область к Зоряне ехать, едва месяц.

Опять цейтнот, опять нужно быстрее все делать, чтобы успеть. Но цейтнот в графике развлечений – это хороший цейтнот. Можно гульнуть здесь напоследок и после уйти.

А этот, как его там... Драго пусть здесь сам расхлебывает. Хорошо, когда есть на кого толкового дела оставить. А он вроде толковый парень.

Самолет между тем почти доставил меня на место – и лег на крыло в пологом развороте снижения. Так, что я смог увидеть панораму отдельного автономного дистрикта в составе протектората Танганьика.

Огромного мегаполиса, раскинувшегося на весь остров.

Царство асфальта, стали и бетона.

Город-остров Занзибар.

Красиво. Особенно если издалека сверху смотреть на этот яркий, сверкающий бликами утреннего солнца человеиник.

Я с интересом осматривал близлежащие районы небо-скребов, словно лианами перевитых линиями монорельсов, поднимающихся даже к верхним этажам башен. Действи-

тельно красиво, если не знать, что немалая часть острова представляет из себя красные зоны, куда без оружия чужаку лучше даже не соваться.

Особенно красива панорама острова сейчас, когда самолет пролетает совсем рядом с кварталом небоскребов. Крыши которых частично объединены в накрытые прозрачными куполами висячие сады. В иллюминаторе я успел заметить под куполом одной из объединенных крыш огромный бассейн с искусственной волной и резвящихся на пляже купающихся. Присмотревшись, даже заметил, что небольшая компания штурмует накатывающие волны на желтых надувных уточках, игнорируя брошенные на песок доски для серфинга.

Едва из поля зрения пропали висячие сады и жилые пространства крыш, как самолет прошел над неприглядными спальными коробками Джанктауна – района, в котором «я», вернее, Драго недавно, в первые дни пребывания на Занзибаре и людей посмотрел, и себя показал.

Стремительно мелькнули под крылом самые настоящие трущобы, едва видные под многочисленными дорожными развязками, и шасси довольно жестко ударило в посадочную полосу. На автопилоте, что ли, садились? Ветра нет, погода идеальная, и если руками делать, то так даже специально не всегда ударишь...

«...Доброе утро, уважаемые пассажиры, говорит капитан, и мы приземлились в международном аэропорту отдельного

автономного дистрикта Занзибар...»

Прокатившись по посадочной полосе, самолет довольно быстро подкатил к рукаву телескопического трапа. Улыбчивая стюардесса пригласила меня на выход – я летел первым классом и шел по зеленому коридору.

Единственный пассажир первого класса на этом рейсе.

Попрощавшись с бортовым экипажем, по телескопическому трапу – двойному, с развилкой, вышел на верхние уровни аэровокзала. Один из работников аэропорта сразу после того, как я прошел, задвинул металлическую перегородку – всем остальным прибывшим этим рейсом путь лежал в нижние уровни аэровокзала.

Верхний уровень – просторный и комфортный, где оказался я, предназначался для граждан. Здесь наблюдалась некоторая суета – действительно, как и говорила Саманта, негласная эвакуация уже началась. Осматриваясь, я прошел по галерее, наблюдая снизу толчею из неграждан, проходящих пограничный контроль. Там, внизу, в залах для ограниченных в гражданских правах, все не настолько благолепно, как здесь.

Мне никакого контроля, кстати, не требовалось. Легенда у меня в полном порядке – летел я как подданный британского короля, житель Родезии Джордж Мартин, вчера заключивший контракт с отрядом варлорда Драго Младича. И в аэропорту мне никакие проверки документов не грозили – все проверки я прошел заранее, когда приобретал билет пер-

вого класса.

Ожидание багажа заняло меньше трех минут – еще одно преимущество полета первым классом Rodesia Airlines. Подхватив опломбированный транспортировочный кейс с бронекостюмом и оружейным комплексом (как хороший наемник, все свое вожу с собой), я сразу и без задержек двинулся на площадку такси.

Выходя из распахнувшихся передо мной дверей, ожидал шагнуть в парилку жары. Но здесь, под навесом стеклянной крыши, неожиданно оказалось прохладно – действовал направленный климат-контроль. Сев в ближайшую, одну из многочисленных желтых машин такси, я попробовал задать маршрут – поставив конечную точку на Полигоне.

«Incorrect» – появилось сообщение на окрасившемся красным экране меню.

Беспилотное такси просто отказывалось везти меня в красную зону. Отказывалось везти за вменяемые деньги: посмотрев, сколько составляет обязательный страховой взнос, я подумал, что мне, наверное, лучше даже пешком пройтись.

Конечно, дело не в деньгах – эти семьсот тридцать пять фунтов мне, лично мне – Артуру Волкову, по карману не ударят. Но подозрительные транзакции автоматически отслеживаются, и мало ли кого из живых операторов, реагирующих на сообщения системы слежения, заинтересует простой наемник Джордж Мартин, который готов с барского плеча сорить деньгами по мелочам.

Поэтому я немного подумал, покрутил карту. Полигон – район, хозяином которого Драго стал совсем недавно, был красной зоной. Но сам район Полигона – обычной некультивированной свалки, находился под многочисленными эстакадами, по которым машины ездить могли. Поэтому, найдя, как казалось, идеальное решение, я установил точку назначения на одном из виадуков, недалеко от мусороперерабатывающего завода. Здесь как раз есть спуск, и...

«Остановка на магистрали запрещена» – сообщил мне пользовательский интерфейс.

Мда, нужно было лететь экономклассом. Комфорта ему захотелось... расхлебывай теперь, буржуй, – сказал я сам себе, глубоко вздохнув и сдерживая накатывающее раздражение.

Мне ведь теперь отсюда, с верхних ярусов воздушной гавани, даже вниз – туда, где на стоянках собираются обычные таксисты, не попасть. Просто не предусмотрено конструктивной возможности – ни траволаторов, ни лестниц общего пользования на уровне для неграждан нет.

Разные миры.

В общем, так как время ожидания уже тикало центами оплаты, пришлось мне выбрать точку назначения максимально близкую – на границе зеленого района «Аэропорт» и красной зоны района Джанктауна.

Мелодичный женский голос пожелал мне приятного пути, и такси мягко тронулось. Ехать оказалось всего пару ки-

лометров, после чего машина остановилась на приподнятом над берегом виадуке замусоренной набережной, в парковочном кармане. И вот тут, едва я покинул прохладный салон машины такси, в лицо дохнуло самой настоящей парилкой. Даже сейчас, задолго до полудня, здесь уже жара.

Такси, пусть и на автопилоте, сейчас повело себя словно живое и умное. Рыкнув мотором, машина откатилась назад и, развернувшись, нарушая правила, с коротким взвизгом резины поехала обратно в аэропорт. Как будто ИИ машины испугался находиться рядом с красной зоной. И только когда машина исчезла из вида, мелодично тренькнуло оповещение ассистанта о списании средств за поездку.

Осмотревшись, я подошел к одной из скамеек, под камерой. Я все еще находился в зеленой, «безопасной» зоне. Но граница районов зеленой и красной зоны находилась совсем рядом. Интересное место – из-за того что тут практически не появляются люди из зеленой зоны, граница красного и зеленого района здесь даже без буферной, желтой зоны.

Моя высадка на «зеленой» стороне мира, разделенного уровнями благополучия, не осталась незамеченной. Сразу несколько празднующихся компаний с «красной» стороны обратили на меня самое пристальное внимание.

Я же, в свою очередь, на заинтересованных и вдруг возбудившихся обитателей красной зоны даже не глянул. В начале нулевых в Колпинском парке вокруг Ижорского пруда гулял, ночью и в одиночестве, куда мне после этого каких-то

гангстаменов местных опасаться?

Не обращая никакого внимания на заинтересованные взгляды, я прошел к скамейке – здесь, под камерой, она была удивительно чистой. В отличие от находившихся недалеко уже в красной зоне, буквально заваленных мусором.

Сорвал пломбы, разложил на скамье транспортировочный кейс и быстро переоделся в черно-красный бронекостюм отряда варлорда Драго Младича. Потом достал и уверенным жестом закинул за спину винтовку – как будто проверяя работу магнитного крепления. Вытащил оружие из-за спины, многозначительно посмотрел через открытый прицел на небо, после чего винтовку убрал обратно, в транспортировочный кейс.

У варлорда Драго Младича, благодаря его положению в корпорации Некромикон, лицензия на открытое ношение – в границах дистрикта Занзибар, была. Так что о последствиях подобных демонстрационных – прямо на камеру, действий я не волновался.

Винтовка отправилась обратно в кейс, а вот пистолет, проверив наличие патрона в патроннике, я убрал в набедренную кобуру. Интерес ко мне со стороны компаний, кстати, полностью пропал еще в тот момент, когда я винтовку из кейса достал.

– Ребят, ну вы куда, ребят! – не удержался и даже крикнул я вслед одной из последних уходящих прочь компаний. – Парни, подождите, мне спросить нужно... не подскажите, где

библиотека? – подхватив почти пустой транспортировочный кейс, куда побросал снятую гражданскую одежду, двинулся я за местными гангстерами.

Общаться со мной никто из гангстаменов не захотел – довольно быстро, растеряв всю свою вальяжность, разбежались.

Ну и ладно.

Шлем я надел уже на ходу, визор активировал, но в дополненной реальности тактической сети имел пока лишь ограниченный доступ. Мне нужно получить физический ключ, его активировать, и только после этого я могу стать полноценным членом отряда. Так что сейчас я даже не мог никого вызвать, чтобы меня до места подкинули. Хотя на проецируемой перед взором карте пункт назначения видел.

Не сильно расстраиваясь, решил прогуляться. Все же идти тут – минут двадцать максимум. Надеялся на мимо проезжающие такси, но из пары машин никто не остановился – ну да, для не очень легального водителя подобрать здесь вооруженного человека, наверное, не очень умное решение. Но и ходить тут безоружным – решение еще менее умное.

Преодолев около километра по виадуку когда-то красивой набережной, сейчас захлавленной, замусоренной и абсолютно везде, даже на тротуарном покрытии, разрисованной, я спустился вниз по крутому изгибу эстакады. Таким образом оказавшись на уровне моря, теперь шел в обратную сторону – уже под береговой магистралью виадука. Несмотря на

то, что сверху нависали бетонные уровни эстакад и развязок, полностью закрывая небо, здесь было светло – многочисленные солнечные лучи отражались от воды близкого океана.

Светло, но все же неуютно – очень плохой район, не зря красная зона. И единственный безопасный способ для чужака здесь гулять в одиночку – это как я сейчас, с оружием и в бронекастюме. В этом я убедился после того, как по ходу моего пути почти десяток компаний периодически выходили из трущоб и двигались в мою сторону. Но, едва рассмотрев пристальнее, вдруг вспоминали о важных делах и уходили. Гораздо быстрее, чем выходили.

Вскоре трущобы Джанктауна кончились, и я наконец оказался на территории Полигона. Района, который забрал себе Драго. Но территорией Полигона это место было довольно формально – справа и слева возвышались длинные высокие заборы мусороперерабатывающего завода, вдоль которых я шел.

Дорога оказалась пустынной – из аэропорта сюда почти никто никогда не ездит, а сообщение Полигона с остальным мегаполисом происходит с другой стороны. Там, где начинаются жилые районы Джанктауна.

Движение на дороге появилось тогда, когда я уже практически подходил к точке назначения. И это оказались интересные машины – два лифтованных и аляповато раскрашенных лендровера, напоминающих машины из франшизы «Безумный Макс».

Отдаленно напоминающих – все же никто шипами обваривать машину здесь бы не разрешил, даже в красных зонах беззакония. Но все стекла на машинах были заменены на решетки или бронеплиты, искрились цепи по асфальту, борта небрежно раскрашены. Местная уличная группировка? «Мои» люди из уличной банды Василия с прогулки возвращаются?

Машины пролетели мимо меня, даже не притормозив. Но удивив – прямо передо мной в бетонном заборе появились выщербленные отметки пуль.

«Какая-то перхоть посмела по мне стрелять?» – подумал я со смешанными чувствами, в которых преобладало удивление.

Единственное допущение, что прокатившиеся мимо организмы – члены банды Василия, остановило меня от того, чтобы не достать из кейса винтовку и не устроить из последней машины хороший дуршлаг.

Интересно утро начинается.

Нет, ребята точно не «мои» – решил я, когда завернул за угол и вдали увидел интересное зрелище. Раскрашенные лендроверы довольно нагло, на всю улицу, припарковались у ворот коттеджа. Того самого коттеджа, который, как я помнил по отправленной мне сводке, являлся штаб-квартирой Драго на Полигоне.

Ситуация перед воротами определенно напряженная – восемь человек из прибывших машин и десятков человек из

коттеджа сгрудились напротив друг друга, держа наготове оружие. Все из уличных банд – в куртках городских охотников, с аксессуарами и прическами невероятных форм расцветок.

Как попугаи, право слово. Пусть смертельно опасные, вооруженные, но реально попугаи – даже всерьез никого воспринимать не получается.

А вот ни одного наемника ЧВК Barbarians, которые должны охранять базу на Полигоне, даже близко не видно.

Среди тех, кто с «моей» стороны противостоял прибывшим на переговоры или даже на разборки неместным бандитам, первым стоял Василий. Неожиданно выглядящий – белая татуировка на все лицо в виде черепа его серьезно видоизменила.

Рядом с Василием расположилась объемная дама в золотом обтягивающем платье. В эту даму, судя по ее объему, поместилось бы сразу несколько Василиев. Лиззи Джей, его девушка – не ошибешься. Ее личное дело тоже в досье видел.

Кроме того, за плечами Василия маячил Войцех Ковальский. Который во всей яркой и аляповатой толпе уличных гангстеров выглядел как единственный нормальный человек. И который, по своим возможностям, в одиночку мог разобрать всех прибывших на разборки гангстеров. Но он почему-то от происходящего словно отстранился, а Василий при этом почему-то откровенно тушевался. Так, тут что, разговор ведется по понятиям – кто кого больше уважает и кто

кого более умело переговорит?

Не понимаю.

Нездоровая канитель какая-то, откровенно, происходит. И мне это не нравится – потому что мне нужно готовиться к визиту в замок сэра Джона Холдена, а у меня за окном, как вдруг выясняется неожиданно, извините, нагажено.

Черт, вот почему их никого нельзя одних даже на пару дней оставлять? Вечно начинаются какие-то проблемы.

Злость во мне, после того как меня обстреляли из машины, все еще бурлила. Но я решил все же для начала поговорить. И пока я приближался, незамеченный, Василий между тем уже разговаривал с прибывшим главарем банды на повышенных тонах.

Оба они вдруг замолчали, когда я – как чемодан катя свой транспортировочный кейс, прошел через прибывших гангстеров, растолкав их плечами и не обращая внимания на возмущенные возгласы.

– Здорово, бандиты! Здорово, Василий! – произнес я, поднимая забрало.

– Оу... оу... маза фака... – ошарашенно произнес Вася.

Он узнал меня по глазам. И когда Вася уже хотел сказать «босс», я поднес палец к губам.

«Босс! Вы вернулись, босс, о май гад!» – беззвучно забормотал Василий, сразу из уличного гангстера средней руки превратившись в растерянного юношу. Пусть и с татуировкой в виде белого черепа во все лицо и черными – покра-

шенными по сточенной напильником эмали, зубами.

Один из пришлых гангстеров в этот момент попробовал было громко возмутиться – своим появлением я прервал его на полуслове.

– Друг, будь добр, рот закрой, или прямо сейчас зубами подавишься, – улыбнулся я ему. – Дай нам, пожалуйста, пару секунд, – также вежливо попросил я опешившего бандита и снова обернулся к Васе.

– Василий, меня зовут Джордж Мартин, и я новый заместитель командира отряда варлорда Драго Младича, прибыл представиться по месту службы. Скажи мне, в чем проблема и чего хотят вот эти вот обсосы?

Говорил я на русском, но судя по тому, как начали раздуваться ноздри у прибывших на разборки, «обсосы» по моему тону в целом поняли, о чем речь.

– Они хотят забрать машину.

– Какую машину?

– Машину Драго, босс, – показал Вася на черный гелендваген во дворе.

– На каком основании?

– Говорят, это машина их босса, Николая Стамески.

Стамески... Стамеску, может? Румыны, что ли? – посмотрел я на группу прибывших. Да нет, такие же чернокожие, как и группа поддержки Василия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.